

Анастасия Соколовская

12+

Сын Демона.

Интервью с Астиной

Анастасия Павловна Соколовская
Сын демона.
Интервью с Истиной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64322851

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97882-9

Аннотация

Не ищи смысл там, где миром правит Стихия. Когда ветер гонит в лицо соленые брызги, когда небеса смыкаются грозовым фронтом и грохочут пушечные залпы – это и есть Свобода. От жизни и смерти, от предрассудков и морали. Ты пират. Ты – любимец Судьбы и король морских вод. У тебя нет слабостей и пути назад. На abordаж! Погоди? Или все-таки есть?

Содержание

Часть 1. Звуки жизни	4
Часть 2. Встреча с мечтой	18
Монолог Д. Фаанмико	53
Монолог Д.Фаанмико. Часть 2	69
Часть 3. Полет сквозь реальность. (Макс)	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Анастасия Соколовская

Сын демона.

Интервью с Истиной

Часть 1. Звуки жизни

– Макс! Ты меня слышишь, нет?

Я вздрогнул, выпрямляясь в казенном кожаном кресле – неизменном атрибуте кабинета главного врача и вытаращил глаза на сурово глядящее на меня начальство, удобно устроившееся на краю необъятного стола. Лео насмешливо сощурил серебряные глаза, скрытые плотными стеклами защитных очков, и покачал головой:

– В каких облаках витаете, господин ординатор? Ты хоть слышал, о чем я тебе тут битый час толкую? А ну-ка повтори!

Так... Нарушение режима в пятой палате – проверить, принять меры. Документация по отделению – собрать, заполнить, сдать. Что-то еще было, черт. Я почувствовал, как щеки заливают румянец и хмыкнул про себя – не могу, не умею я смотреть спокойно на это диво дивное, вмиг все мысли из головы вышибает и сумбур такой в мозгах, словно по извилинам ледокол прошел туда и обратно. Это проклятие по имени Леоран многих из нас выбивает из колеи и я, увы,

не исключение.

Леоран тер Йох'Айле, или по-простому Лео, как он любил представляться – личность в Империи крайне именитая, хоть и не любит он об этом говорить. Восхитительный хирург, талантливый генетик и биохимик, главврач крупнейшей в Империи клиники и, что немаловажно, личный врач Госпожи Императрицы. Но и об этом при нем лучше не упоминать. Съест!

Для меня, поначалу серьезно пугавшегося резких выпадов начальства, Лео оказался тем еще сюрпризом! Улыбчивый, любопытный, творческий, он завораживал и подкупал мою почти сломленную под гнетом тяжелой, грязной работы душу, не позволяя сдаться. Насмешливые серебряные глаза, клыкастая усмешка, водопад волос, обрамляющий безупречно-прекрасное лицо, певучий голос – все это ну никак не вязалось с его совершенно сумасшедшими поступками и самобытным характером.

Чего стоила выходка с подбрасыванием в сувенирные латы одного из имперских генералов, к тому времени давно почившего на поле битвы, динамика с дистанционным управлением?

Этот клыкастый паразит дождался, пока мимо лат пройдет крупный отряд гвардейцев на смену караула, активировал динамику и долго смеялся, глядя на перепуганные лица солдатиков, вытянувшихся по стойке смирно перед сувенирным металлоломом, из которого грохотало: «Как вы смеете

пройти мимо своего генерала и не поприветствовать его! Доберусь я до вас, негодяи! Все на гауптвахту пойдете!» Шедший по тому же коридору, первый Советник Высшего Совета Империи едва заикой не стал, как увидел это безобразие.

Или мое любимое – договор со штатным имперским магом о накладывании на дверь в кабинет Лео заклинания спонтанной песни! Я, как раз зашедший с докладом, долго радовался, что вошел в кабинет через запасную дверь. И не менее долго изумлялся, увидев чиновника, вошедшего в кабинет и внезапно разразившегося оперной арией о том, что необходимо составить полугодовой отчет о расходе лекарственных средств.

Лео, загадочно мерцая глазами, принявшими яркий цвет жидкого золота, внимательно выслушал «артиста», поаплодировал и пояснил мне:

– Постоянное выслушивание монотонных официальных речей вводит в уныние, мозг просто отказывается запоминать все, что они от меня хотят!

Я видел Лео разным, насмешливым и веселым, одиноким и грустным, отчаявшимся и грязным, когда мы заблудились в горах. Но я никогда не видел его сломленным, что бы не происходило. Смерть друга, неудачная операция, усталость, боль, одиночество, страх – вспыхнут глаза антрацитовым гляncем, хищно заострятся черты скульптурно – прекрасного лица. Замрет Лео на секунду – другую, бездумно глядя в никуда и холодно становится рядом с ним. А затем

вновь обернется, расцветет знакомой светлой улыбкой и задорно подмигнет:

– Прорвемся, Макс, нормально!

И поневоле начинаешь ему верить...

Мужчина коротко рассмеялся и прыгнул с насиженного места. Я вздрогнул, вжимаясь в спинку кресла, но Лео и не думал ко мне приближаться. Вместо этого он подошел к невысокому, узкому шкафчику в углу кабинета и выудил оттуда тонкую папку с печатью отделения. Быстро пролистал и, кивнув своим мыслям, отправил документ ко мне через стол:

– Это необходимо передать кое-кому. Сам я этого сделать, увы, не в состоянии по целому ряду причин, а вот тебе доверить подобное сам Бог велел. И не спрашивай, какой именно! – глаза парня весело сощурились, и я понял, что под маской он улыбается. Сердце пропустило удар – твою мать, этак я совсем расклеюсь.

Лео тем временем мягко вспрыгнул на стол и, пройдя по нему, как по подиуму, вернулся на свой излюбленный насест напротив меня. Вздохнул, видя мое пылающее лицо и спокойно продолжил:

– Если помнишь, у нас сейчас в отделении находится особый гость. Парнишка из палаты 7/1, молоденький совсем, называет себя Эвиар, помнишь такого?

Я кивнул. Личность и впрямь приметная. Черные с алыми искрами глаза, бронзово-золотистый загар, длинные жесткие

волосы, заплетенные в косицу, сильные руки, крепкие мышцы, что удивительно для столь юного мальчика. Казалось, он даже пахнет соленым морским зноем и терпким ветром, заставляющим скрипеть снасти и наполняющим паруса невидимого корабля природной силой.

– Да, помню, – голос прозвучал хрипло, и я откашлялся, вновь заливаясь краской, – Проникающее ножевое в правую подвздошную, критическое состояние, назначена повторная операция...

Лео прервал меня мягким движением кисти:

– Я знаю. Мне важно было понять, помнишь ли ты, о ком речь. Так вот, мне крайне необходимо кое-что передать его опекуну и... кхм, скажем так, его капитану. Ты уже понял, наверное, что это не просто пациент? Это очень важный для отделения человек и нам необходимо выдернуть его с того света, если мы хотим здесь работать и, по возможности, на нормальных условиях.

Меня прошило волной изумления. Так этот парень реально моряк? Мне не показалось?

Заметив мое замешательство, главврач чуть подался вперед и светлые глаза задорно вспыхнули:

– Так и знал, что ты заметишь! Да, наш гость напрямую связан с морем, более того, – Лео понизил голос и заговорщицки шепнул, – Он юнга на пиратском судне. Самый настоящий пират, ага. Представляешь, и такое бывает в жизни! В наш век космических кораблей, аэромобилей и повально-

го искусственного интеллекта эти ребята натурально предпочитают деревянные парусные корабли и воду. Сам их не понимаю, но эти парни – щедрые спонсоры, так что не мне жаловаться на их профессию в условиях бардака в Империи и отсутствии аппаратуры и препаратов.

Я глядел на него, как замороженный. Пираты... Детская сказка, мечта, когда – то топившая меня – подростка во снах, наполненных шумом волн и звоном оружия, гулками толчками ветра и солью, осевшей на загорелой коже. Когда-то давно мать читала мне легенды о пиратах, сказки о бесшабашных разбойниках, вечных спутниках Морского Дьявола и я, каждый раз засыпая под убаюкивающую мелодию ее голоса, представлял, как приближается к нашему приморскому портовому городку черный корабль. Видел, как полощет и ласкает потемневшие от влаги и соли паруса ветер и меня, маленького человечка на огромной пристани, накрывает гигантская темная тень.

Лео вновь нетерпеливо махнул рукой, привлекая мое внимание и нахмурился:

– Вернись в наш мир, мечтатель! Как ты до своего возраста дожил с такой рассеянностью? – насмешливо покачал он головой и продолжил, – Сколь мне известно, их корабль сейчас находится в бухте «Два серпа», как раз на твоей исторической Родине, в городе Мельсири. Капитан очень ждет от нас информации, так что отправляться нужно немедленно.

Я набрал в грудь воздуха, собираясь возразить, но мужчи-

на снова остановил меня легким жестом:

– Я помню, что у тебя плановые, не переживай. Сегодня я за тебя выйду на дежурство, а плановиков подвинем на пару дней. Зарплату ты получишь, как за полноценную командировку с премиальными. В противном случае, оперировать будет уже некому и не на чем. Нам нужен этот займ, Макс, очень нужен. Иди!

Леоран прыгнул со стола и подошел ко мне вплотную, протянув руку. Я, чувствуя, что вновь наливаюсь свекольным румянцем, осторожно прикоснулся к теплой ладони и тут же почувствовал крепкое пожатие длинных пальцев. Он улыбнулся и отошел к окну, более не обращая на меня никакого внимания. Ну что же... Долг обязывает – мы выполняем. В добрый путь!

Мельсири встретил меня пряным, теплым ветром, оставившим на губах солоноватый вкус морской воды и россыпью обжигающих солнечных лучей. Стюардесса, выглянувшая следом за немногочисленными пассажирами из недр космолета, сощурилась, прикрыв глаза сложенной козырьком ладонью и почти сразу спряталась обратно, не выдержав лучей слепящего южного светила. Непривычные они к нашему миру, эти бледные и худые жители столичных планет. К яркому солнцу, набегающим на белый песок серебряным волнам в кружевах пены и гортанным голосам рыбаков и торговков, в обилии населяющих узкие уютные улочки города.

Я на мгновение замер, не замечая спешащих обогнуть ме-

ня людей, не обращая внимания на ругань и толчки. Мельсири... Родной, знакомый до каждого искристо блестящего камушка на металлическом полу космопорта, звонкий, переливчатый, как струны арфы в своем

многообразии цветов и звуков. Честно говоря, город этот был даже не городом, а островом, причудливо изогнувшимся в окружении воды и название его переводилось, как «перекресток трех морей» – Гааспай, Филарено и Мельси.

Однако, невзирая на столь странное расположение, Мельсири давно наладил морские торговые пути с огромным количеством городов и стран на планете «Тьянвир», относящейся к южным границам Великой Империи Семнадцати планет, самой крупной планете Юга. К нам шли суда со всех сторон света, и торговцы выстраивались в очередь за потрясающей вяленой по секретным южным рецептам рыбой и бесценными «керыю» – деликатесными моллюсками в ладонь величиной, давно облюбовавшими дно бухты «Плачущей женщины», к северному побережью нашего острова. А самые смелые и не жадные, дрожа от нетерпения, принимали из рук подводных ловцов Мельсири сверкающие в янтарных лучах, изящные, как звезды, серебристо-синие кристаллы – «фатамани». Драгоценные сокровища моря, прячущиеся глубоко в недрах подводных пещер, в изобилии окружавших остров, давно ставшие любимыми игрушки магов и столичных модниц.

Были у нас и свои беды, что сложно не представить на пла-

нете, полностью пронизанной жилами морей и крупных рек и населенной в большинстве своем хищными расами: верманджи, калариан, дроу, теймини и много кто еще. Еще в бытность мою ребенком, говаривал нам с братом дед: «Воды трех морей полнятся страшными тварями, одни из которых прячутся в толще воды, а вторые – разрезают ее поверхность. И неизвестно, кто из них хуже»

С подводными обитателями ловцы фатамани сталкивались практически каждый рейд и давно наработали свои секретные системы, отпугивающие хищников – «стражей пещер». Но были и те, кого недостаточно было напугать и, учитывая малочисленность населения острова и мизер боевой подготовки, совершенно невозможно уничтожить. Пираты. Проклятие Мельсири. Хладнокровные морские разбойники, чьи легкие, боевые корабли налетали на остров, как ураган. А после выпускали на берег несколько десятков, а то и сотен гибких, загорелых и донельзя опасных существ, готовых на все ради наживы. Никто не знал, откуда так неожиданно взялись в наших водах эти твари, но ясно было одно – это конец Мельсири.

Это были темные времена, пронизанные пушечными залпами и реками крови, порой голодом, нищетой и постоянным страхом. Родственники погибших бежали с острова, как крысы с корабля, бросая дома и скарб. Мельсири пустел, хирела и загибалась от голода торговля, иссякал прежде огромный поток туристов. В конце концов, не выдержав ужаса,

творящегося в его владениях, градоправитель, герцог Алри Карриона, вышел к пиратам, потребовав переговоры с кланом Черных Капитанов – так называемыми «пиратскими королями». Пираты на условие неожиданно согласились, переговоры состоялись и нас, можно сказать, «приняли на работу»

Насколько мне известно, ничего сверхъестественного пиратское содружество с жителей острова не потребовало – раз в полгода к нашим берегам подходил корабль, на берег, в сопровождении лишь нескольких надежных людей, спускался капитан и встречался лично с правителем Мельсири. Происходил обмен, на корабль поднимали плетеные корзины с вяленой и копченой рыбой, вином и моллюсками, наглухо упакованными в стазис-ящик штатным магом города, передавался тугой мешочек, а то и два, золота – треть выручки с торговли.

Временами, когда ловля была успешной, герцог, а после и его сын бережно отдавали в мозолистые, бронзовые руки капитана шкатулку, где, прижавшись боками, плотно теснились серебряно-синие ежики фатамани. В ответ же город получал от пиратов широкое прямоугольное полотнище флага – белая точка на черном фоне. Знак расплатившихся. Флаг этот реял над городом следующую половину года, предупреждая других пиратов о его неприкосновенности.

Долгое, долгое время эта традиция была незыблемой. Однако, когда родились сперва я, а затем и мой братишка, пи-

раты в наших водах повывелись, спугнутые громадинами боевых имперских кораблей с их бронированными бортами и мощными орудиями, с одного – двух залпов разносящими легкое пиратское суденышко. И к моменту, когда я научился ходить и говорить, о пиратах на Мельсири стали забывать. Лишь старожилы, вечерами собирая возле себя детишек, делились с подрастающим поколением историями о кровожадных сыновьях Морского Дьявола, приходящих со стороны моря. Был среди маленьких любителей сказок и я, вот только вместо дрожи, вызывали у меня эти истории восторженное оживление, искренне пугавшее взрослых.

И, когда, уже будучи подростком, начал я упоминать о том, что неплохо бы собрать свою команду, а после и вовсе подбивать соседских мальчишек и девчонок на полное опасностей и приключений плавание, отец забил тревогу и меня в срочном порядке отправили в Столицу – поступать в Центральную Академию Империи «Семикрыл», в крыло медицины и целительства. И постепенно наука захватила меня настолько, что я думать забыл и о пиратах, и о море и даже о родном острове, на который сумел вернуться лишь спустя 11 лет.

Сейчас, вспоминая все это, я улыбался – память была ласковой, приятной и отдавала теплыми нотками детства. Я скушал по тебе, солнечный, улыбчивый Мельсири. Сердце поневоле ускорило ритм – как там мама, брат, маленькая сестренка, родившаяся через три года после моего отъезда?

Ноги сами несли меня прочь от раскаленного железа, камней и запахов космопорта, расположенного на северной окраине острова, к стоящим вдалеке «кименай» – повозкам, с запряженными в них крупными животными, больше напоминающими ящеров, чем лошадей. Мощные задние лапы зверей резко контрастировали с длинными передними, массивные хвосты, украшенные на концах крупными костяными наростами лениво мели придорожную пыль, крупные, лобастые головы, украшенные кольцами сбруи, опущены к земле, подальше от палящих лучей. Типичные представители островных пещерных драконов, много лет назад прирученные нашими предками, научившимися их разводить и дрессировать.

Возница ближайшей повозки, смуглый, кареглазый паренек, внимательно выслушал маршрут, белозубо улыбнулся предложенной цене и гортанно отозвался, старательно выговаривая слова на всеобщем:

– Прысаживайса! Паехалы!

Я прыснул и влез на повозку. Вот он, миг чуда и счастья. Здравствуй, Родина!

Дорога извилисто петляла, все больше и больше забирая в гору и у меня, отвыкшего от палящего зноя и морского воздуха, уже начала кружиться голова, когда кименай резко свернула вправо. И раскинулась перед глазами знакомая, раз за разом вызывающая волну мурашек вдоль позвоночника, картина. Темные, бескрайние, таинственные просторы мо-

ря, испещренные сероватыми шапками волн, с шумом разбиваются о скалы, гудящие в ответ подобно большим барабанам-тумбро. А вдали, изящным полукругом облепляя утесы, жметя к этому великолепию Мельсири – пахнувший фруктами и солью, тянущий к небу иглы башен и приветливо, точно материнские объятия, открывающий ворота каждому усталому путнику, оказавшемуся у его стен. Таким он был всегда, таким я его и запомнил. Таким он, о чудо, и встретил меня спустя все эти годы.

Ящер, почуяв близость домов и людей, мощно оттолкнулся от каменистой дороги пружинами лап и самовольно перешел в галоп, не слушая возмущенных окриков возницы и не обращая внимания на поводья, почти прижавшие его голову к налитой мускулами шее. Угломнить взбунтовавшуюся рептилию удалось, лишь спрыгнув с повозки и вздернув перед клыкастой мордой небольшой лоскут пестрой ткани. Существо негромко зарычало, возмущенно звеня сбруей и остановилось.

Я рассмеялся, глядя на то, как шепотом ругаясь на певучем языке калариа, возница вновь карабкается на облучок и разбирает многочисленные кожаные ленты вожжей – мальчишка был очарователен в трогательном своем ворчании.

Наконец, распутав жесткий клубок, паренек выпрямился и, залихватски присвистнув, щелкнул плетью. Ящер обиженно мотнул головой, глухо заворчал и все так же неспешно потрусил вперед. Я прищурился, поднимая руку козырьком к

глазам – бухта «Серпов» была недалеко, и я не смог перебороть накатывающих волнами детского восторга и любопытства – там ли пиратское судно, какое оно?..

Сердце пропустило удар, когда я, напряженно щурясь, вдруг заметил кажущиеся издалека тонкими и хрупкими, верхушки мачт, плотными валиками уложенные темные паруса и бьющий по ветру флаг. Пираты прибыли и скоро я увижу свою мечту воочию. Но сперва домой, домой. Я так скучал, мама!

Часть 2. Встреча с мечтой

Что естественно, выполнять поручение Лео я отправился лишь ближе к вечеру. Отчасти в этом был виноват «кхаштри» – мощный ливень, сопровождающийся бешеными потоками ураганного ветра и молниями, бьющими в нагромождения скал, точно огромные кулаки. Кулаки эти оставляли на месте редких тропических перелесков выжженные, припорошенные сизым пеплом, проплешины, пугавшие каждого незнакомого с этой шуткой стихии человека. Сунуться во время разгула кхаштри за пределы города, надежно укрытого волной стихийной магии – все равно, что подписать себе смертный приговор.

Ну и, что вполне естественно, только увидев меня на пороге дома, родные вцепились в мою тушку, словно стая изголодавшихся клещей, отказываясь отпустить от себя хотя бы на секунду. Ошалевший от такого внимания, я замер посреди коридора, вдыхая родные с детства запахи фруктовых сиропов, лепешек с терпким козым сыром и дикого винограда, обнимающего наши окна крепкими плетями со всех сторон и с трудом глотал слезы, подкатывающие к горлу плотным, солоноватым комом. Оказывается радость – это тоже больно!

Мать, все такая же стройная и легкая, как мотылек, летала из кухни в зал, что-то рассказывая и параллельно раздавая

указания подросток сестричке, увлеченно расставлявшей на столе тарелки из парадного сервиза. Изыщная, с пышной гривой черных, лишь слегка тронутых сединой, волос, она выглядела моей ровесницей. Особенность жителей Мельсирри – независимо от расы, мы стареем очень медленно, до последнего дня оставаясь крепкими и загорелыми.

Отец, осторожно опираясь на трость – последний рейд, еще в моем детстве, кончился для него трагедией, когда одна из подземных тварей, стремительным смерчем вырвавшись из пещеры, вцепилась ему в щиколотку – вышел из кабинета и, сдержанно улыбаясь, крепко пожал мне руку. Долго глядел в глаза и, все же не выдержал и рывком привлек к себе, обнимая. Он всегда таким был, мой отец, скупым на ласку и похвалу, но искренне, безумно, до какого-то исступления обожающим красавицу-жену и детей, которым очень редко мог сказать это в глаза.

Вот и сейчас я прекрасно все понял и без слов, в ответ обхватив по-прежнему мощные отцовские плечи и тут же отступил, давая ему собраться и успокоиться. А из-за его спины уже радостно махал мне Эр, едва не взлетая от счастья к самому потолку.

Эриани, мой братишка, вечно радостный, несущий в себе свет с самого детства, теплый и смешливый, словно все еще был ребенком. В раннем детстве этот невероятный мальчуган лишился голоса, но сперва живо научился объясняться жестами, а потом сам смастерил себе имитатор голосовых

связок под чутким руководством Мастера Йоханари, друга семьи и одного из лучших механиков острова.

Я на мгновение прикрыл глаза и, несколько раз выдохнув, наконец вытолкнул свою радость наружу:

– Йормаанссе! Я счастлив вернуться под крыло Священного Бога морей! Как же я скучал!

Приветствие на родном языке, коим я не пользовался черт знает сколько времени, вырвалось легко и непринужденно и семейство заулыбалось, кивая друг другу – наречие клана чтили у нас почти как семейную реликвию. Осторожно огибая старших, пробилась к моим ногам сестренка, и, деликатно взяв за руку, повела в столовую, где уже ждали меня исходящая ароматным паром, пряная козлятина, соленый сыр, пирог с местными ягодами и, конечно же, пара кувшинов молодого, терпкого вина. А, к черту пиратов, успеется! Лео знал, когда отправлял меня на Мельсири, что мгновенно я оттуда явно не вернусь, так что день-два у меня в запасе есть!

И, увлеченный теплом семейного очага и совершенно заколдованный близостью родных, я, естественно, вспомнил о поручении начальства лишь на закате. Обнял на прощание отца, долго уговаривал мать, что еще вернусь и вообще, буду почаще заглядывать на родной остров и самым натуральным образом сбежал, прихватив брата.

Прощание с семьей – не самый любимый этап жизни для многих из нас, а уж мне, потомку горячей южной крови, вы-

держат драму, разыгравшуюся с моим уходом, было ой, как непросто!

Знакомый мальчишка-возница сегодня, видимо, сменил место работы и прохладился в тени здания ратуши, венчавшем центральную городскую площадь в компании троих взрослых, крепко сложенных, усатых мужчин, коротая время за сплетнями и байками. Повозки, выстроенные в ряд, точно по линейке, стояли тут же. Ящеры дремали, лениво переступая с лапы на лапу и позванивая колокольчиками сбруи.

Завидев нас, возницы оживились, загомонили, перебивая друг друга и толкаясь плечами, но я, не раздумывая, кивнул пареньку:

– Аранши! Мне необходима бухта «Два Серпа». Сейчас. Цена та же. Берешь?

Парнишка расцвел счастливой улыбкой, приглашающе кивнув на кименай:

– Канэшна! Паехали, дарагой! – и, оставив меня прощаться с братом, кинулся приводить в чувство сонного ящера, вяло скалящего на хозяина длинные изогнутые лезвия клыков.

И вновь зацокали мощные когти по каменной кладке мостовой, заскрипели звонко, точно свирель, маленькие аккуратные колеса и закружилась, замелькала перед глазами карусель домов, улиц, людей и цветов, сливаясь в красочный, пестрый ковер. Проснувшийся наконец ящер бодро рысил вперед, подбадриваемый сочным посвистом возницы и

вскоре улицы Мельсири сменились величественной картиной раскинувшихся широкой полосой равнин, внезапно прерывающихся скалистыми обрывами и далеким гулом бьющегося о скалы моря.

Я приложил руку к груди, пытаюсь успокоить бешено бьющееся сердце и вытянулся в струну, изо всех сил стараясь рассмотреть чудо, к которому все ближе и ближе нес меня мой сухопутный парусник. Вот повозка резко ушла левее, дорога стремительно пошла под гору, и скалы, до этого лежащие внизу монолитными плитами, обступили ее со всех сторон, словно бы оберегая и пряча. Миг, другой, и впереди, в лучах закатного солнца вдруг ярко проступили высокие спицы мачт и струящийся по ветру, черный флаг с неразборчивым пока изображением.

Повозка внезапно резко остановилась, и возница молча показал рукой: «Приехали», одновременно разворачивая ящера. Я недоуменно сдвинул брови, однако покорно спустился вниз и, порывшись в кармане, вручил возчику обещанный гонорар. Парнишка жалобно улыбнулся и развел руками:

– Туда нэ паеду! Пираты! Бить будут! – и, хитро прищурившись, с места пустил ящера в тяжелый, тряский галоп, отчего кименай болталась туда-сюда, едва ли не цепляя скалистые стены ущелья. Я рассмеялся и, постаравшись успокоиться, быстрым шагом пошел вниз, в бухту, навстречу невероятному чуду, что, слегка покачиваясь и по-особенному

сочно скрипя «суставами», танцевало в густой синеве прибрежных вод.

Песчаная бухта, где располагалась пристань «Надежда», сейчас почти не использовалась из-за довольно неудобного расположения – моряки, плохо знающие корабль или не сумевшие с ним справиться, легко могли стать заложниками нестабильного рельефа дна и с полной уверенностью в том, что все делают правильно, сесть на риф. Все дело в том, что войти в бухту можно только по узкой «колее» между двумя крупными подводными скалами, благодаря странной полукруглой форме которых бухта и получила свое название. Однако капитан этого судна был либо гением судоходного дела, либо нереальным везунчиком, либо, что вряд ли, его корабль умел летать – фрегат был пришвартован с поистине ювелирной точностью.

Опустив глаза, я удивленно воззрился на свои, судорожно сжатые в кулаки, ладони, несколько раз глубоко вздохнул и направился к сонно покачивающейся на волнах у пристани темной громадине.

Странно, но ни на корабле, ни около него не было ни души. Мягко набегали и отступали волны, отчего судно слегка задевало и царапало плотные доски причала, словно пытаюсь выбраться на берег. Я запрокинул голову и вздрогнул, вспоминая...

Темная махина, загородившая солнце, ветер, гудящий в ушах, и маленькая фигурка на пустынной пристани.

Все это так похоже было на мой сон, что я поежился, улыбаясь собственной реакции. И, воровато оглядевшись, протянул руку к нагретому солнцем боку морского гостя. Разумеется, не достал и от этого вновь стало смешно – как дитя малое, честное слово!

– Нравится?

Хрипловатый, низкий голос, раздавшийся у меня за спиной, вызвал непроизвольную волну мурашек по коже и, с трудом вспомнив, как дышать, я круто повернулся на звук.

Рядом со мной, буквально в паре метров стоял, прислонившись спиной к тяжелым бочкам, приготовленным для погрузки и сунув руки в карманы широких брюк из плотной темной ткани, незнакомый мне парень. Легкую рубашку, насыщенного черного цвета он или только снял, или еще не успел надеть и она, небрежно наброшенная на плечи, добавляла образу неизвестного оригинальности.

Опытный глаз врача мгновенно зацепил и высокий рост, и крепкое телосложение незнакомца, вычленил резкие, хищные черты лица и совершенно удивительного, янтарного цвета радужки с вертикальной полоской то ли змеиных, то ли кошачьих зрачков, темные, доходящие почти до поясницы, волосы, заплетенные в сложную косу, перевитую по всей длине блестящими амулетами на прочных цепочках. Диагноз пришел сам собой: мой внезапный собеседник – представитель хищной расы «верманджи». Причем явно не из простых, судя по украшениям на волосах.

Дворянин, аристократ. Чего он тут забыл? Неужто с корабля? Похоже на то...

Парень, тем временем, слегка сощутив свои удивительные глаза, внимательно разглядывал меня в ответ. Склонил голову сперва к правому, затем к левому плечу и уголки красиво очерченных губ поползли вверх в насмешливой, клыкастой улыбке. Я, уже чувствуя, как заливаюсь краской, попятился.

– Ну и куда ты намылился? Я такой страшный? – преувеличенно вежливо поинтересовался пират и, оторвавшись от полюбившейся ему бочки, в несколько шагов оказался напротив. Я покраснел еще сильнее – вблизи парень оказался намного выше меня и явно в несколько раз сильнее, а наличие десятка метательных ножей, мирно висящих в притороченных к поясу ножнах говорило само за себя. Так, Макс, соберись. Ну не убьет же он гонца, прибывшего к капитану! Или убьет?

Верманджи, которому низкорослый и худосочный я едва доставал до плеча, слегка склонил голову, продолжая внимательно меня изучать и, не зная, куда деться от страха и неловкости под его пронзительным взглядом, я забормотал, молясь всем морским Богам, чтобы спасли мою душу:

– Ку... Курьерская доставка из Центральной Клиники Империи, отделение экспериментальной хирургии, от главного врача Леора... – жесткая ладонь, горячая, как угли, внезапно зажала мне рот и парень рассмеялся, покачав головой. Удивленно замычав, я задергался, пытаюсь высвободиться из

жесткого захвата.

Пират отпустил меня и, неожиданно, успокаивающе провёл ладонью по и без того взъерошенным волосам на моей многострадальной голове. В воздухе разлился пряный запах каких-то трав и горькие нотки паров крепкого алкоголя:

– Тише, не тараторь, а то чувствую себя председателем экзамениционной комиссии. Ты от Лео? – уточнил он, оглядев меня совершенно новым, озорным взглядом и отступил на шаг, давая мне пространство для маневра, – Да не трясись ты так, не кусаюсь я. По крайней мере в данный момент.

Ну спасибо, утешил, блин! Я согласно кивнул и, переведя дух, заговорил снова, стараясь доносить информацию спокойно и внятно:

– Мастер Леоран передал важные документы для капитана Деметрия Фаанмико. Не подскажите, где я могу его найти?

Коротко хохотнув, пират протянул ко мне руку:

– Давай мне, я передам. Я знаком с ним лично, к великой моей радости... – он тряхнул головой, отчего амулеты в волосах мелодично зазвенели и закончил, – И к огромному огорчению окружающих!

Я покачал головой, осмелившись отвернуться от странного типа и вернулся к рассматриванию великолепного корабля, который я, наконец, смог увидеть вблизи:

– Не могу, Мастер сказал – лично в руки. Увы! А что, этот Деметрий такой страшный?

– Нет, конечно! – притворно возмущенно отозвался пи-

рат, – Он прекрасен, как лебедь в лунную ночь, умен, как Гильдия мудрецов и обаятелен, как...

– ...лучшие куртизанки Столицы, – закончил я известную цитату из любимой книги о похождениях капитана Вертра-ри, с которой началось мое знакомство с миром кораблей и путешествий.

– Во-во, именно, – согласился мой собеседник и, переместившись левее моего плеча, тоже поднял глаза на судно, – Так что, нравится, говоришь?

Удивленно обернувшись, я возразил:

– Я ничего не говорил! Мне...

– Зато ты так подумал! – уверенно перебил меня пират и неожиданно тихо, ласково прокатив на языке букву «р», почти пропел, – Рокассиодрия. Лучший корабль, который можно себе представить.

Словно отзываясь на его слова, судно заплясало на волнах. Заскрипели, задрожали многочисленные снасти и порыв ветра, наконец, развернул в мою сторону флаг, на котором, причудливо изгибалась крупная, белого цвета, сколопендра.

Стремясь рассмотреть удивительный символ, я приподнялся на цыпочки, всем телом подаваясь вперед. Сколопендра. Хищная тварь,двигающаяся с колоссальной скоростью и нападающая даже на тех, кто был в разы ее крупнее. Интересная аллегория, однако. Почему именно она украшала флаг, я с одной стороны прекрасно понимал, но с другой...

Любопытство, жгущее изнутри, барабанной дробью ударило в виски, и я позволил себе надежду на то, что капитан Фанмико согласится ответить на терзающий меня вопрос. Теперь главное – добиться от моего странноватого собеседника возможности с оным капитаном встретиться.

Голос пирата, неожиданно прозвучавший над ухом, выдернул меня из вороха мыслей:

– Ты в воду свалишься сейчас, чудик! На флаг засмотрелся? – я, вздрогнув, опустился на пятки и повернул голову, встречая насмешливый золотой взгляд, – По глазам вижу, интересно. Спрашивай, пока не взорвался.

В голосе парня отчетливо прозвучали нотки смеха и я, осмелев, все же дал волю потоку вопросов, рвущемуся из груди:

– Сколопендра? Почему именно она? Из-за маневренности и скорости, да?

Удивленно хмыкнув, мой собеседник снова повернулся к кораблю, и, чуть склонив голову к плечу, окинул его оценивающим взглядом. Усмехнулся углом рта и искоса глянул на меня:

– Ну, можно и так сказать. Там долгая история, корнями в прошлое уходящая. Но отчасти ты верно подобрал ассоциативный ряд, малыш. Скорость этой красавицы порой поражает даже меня, – он вновь перевел взгляд на темное дерево борта и, скользнув выше, кивнул мне на фигуру, расположенную на носу корабля.

Проследив его взгляд, я всмотрелся внимательнее. Изящно выполненная каким-то мастером из дерева того же цвета, что и само судно, и покрытая неким составом, заставляющим ее глянцево блестеть в лучах солнца, там тянула вверх руку стройная девушка с развевающимися волосами. Я восхищенно охнул, сделав шаг вперед и замер, не в силах двинуться с места – завораживающее зрелище приковало ноги к настилу пристани крепче кандалов. Пират удивленно поднял темную бровь и резко сцапал меня за шиворот, водворяя на исходную точку:

– Ты окончательно утопиться решил, малыш? Так давай помогу, раз душа просит? – рассмеялся он и разжал руку, не сводя с меня внимательного взгляда.

Я раздраженно мотнул головой и отступил на полшага, оправляя ворот:

– Да почему малыш – то?

Он вдруг ловко поймал мою руку, обхватил запястье длинными пальцами и, заставив шагнуть вперед, приложил ее к теплему дереву борта Рокассиодрии. Сердце пропустило удар, и я замер, прекратив вырываться. Дерево под пальцами дышало, пульсировало, словно внутри корабля билось огромное, мощное сердце. Набежавший ветер вновь погнал к берегу мелкую сероватую зыбь и судно мягко коснулось досок причала, отозвавшись под ладонью тихим, едва слышным гулом. Верманджи мягко отпустил меня, отошел на пару шагов и, неожиданно серьезно, пояснил:

– Потому что ведешь себя, как ребенок, который подарок долгожданный получил. Ну что, с капитаном знакомиться идем или страшно? – глаза парня ехидно сузились, и он вновь улыбнулся, блеснув кончиками клыков.

Я медленно, не совсем понимая, чего от меня хочет собеседник, повернул к нему голову. Пират не торопил меня, терпеливо ожидая ответа и, наконец очнувшись, я кивнул. Осторожно провел кончиками пальцев по чуть шершавому дереву и отступил назад, чувствуя, как разливается внутри теплое, давно забытое чувство счастья. Маленькая мечта, ставшая реальностью. Наконец-то!

Честно говоря, я ожидал, что сейчас мой знакомый станет свистеть, кричать, или еще как-то подаст сигнал тем, кто на корабле и нам спустят сходни или хотя бы веревкой какой-нибудь поделятся. И поэтому едва не завопил, когда он неожиданно крепко обхватил меня со спины, прижимая к себе, а затем над головой зашумели-захлопали крылья и меня рывком подняли в воздух. Сердце ухнуло в пятки, в ушах засвистел ветер, и я задохнулся от восторга, едва не завопив в голос. Как? Откуда?

И тут меня осенило... Частичная смена формы, черт ее дери! Одна из трех ипостасей этой замечательной расы – королевский огненный «аранео», крупная птица – феникс, достигающая двух-трех метров в росте, с огромными, мощными крыльями. Остальные две – черный маазалийский волк и золотой олень-нингау также потрясли и размерами, и окра-

сом, но только арапео способны были переносить колоссальные тяжести и не давали своему хозяину стареть, раз за разом возрождая его из пепла. Единственная раса в мире, способная к таким вот удивительным трансформациям.

Тем временем мой внезапный транспорт поднимался все выше и выше, явно не собираясь приземляться. Вот открылась взгляду широкая палуба, крепкие остовы мачт, сложные плетения снастей и аккуратно собранные паруса, слегка отливавшие серебром в лучах солнца, медленно клонящегося к закату. У одной из мачт, лениво прислонившись к ней спиной, сидел человек и, подняв руку козырьком к глазам, с интересом наблюдал наш полет. Пират, до этого зависший в воздухе, размеренно взмахивая крыльями, осторожно отвел носом волосы от моего уха и негромко спросил:

– Морской болезни нет? – в голосе парня слышалась улыбка и едва заметные нотки озорства.

Не понимая, к чему он клонит, я отрицательно покачал головой. Руки, и без того крепко прижимающие меня к горячему телу, внезапно сжались еще сильнее и, издав звонкий, мелодичный свист, феникс резко бросился вниз, описал круг над иглами мачт и, заложив стремительный вираж, быстро пошел на снижение, двигаясь четко на сидящего на палубе темноволосого юношу.

Парнишка вскочил, отнимая от глаз ладонь и замер, спокойно глядя на приближающийся к нему смерч, который, судя по всему, даже не планировал сворачивать в сторону.

Секунда, другая... Я в ужасе зажмурился, ожидая сокрушительного удара, но, в сантиметре от лица незнакомца, верманджи замер в воздухе, как вкопанный и мягко опустился на палубу.

Я, не удержавшись, вскрикнул, зажимая рот руками. Зрачки юноши расширились и он, мягко качнувшись навстречу, осторожно обхватил ладонями мое лицо:

– Черт, Дэм! У парня сейчас сердце остановится! Ты чего вытворяешь? – нахмурился он, вглядываясь мне в лицо ясными глазами, цвета весенней листвы, пронизанной лучиками солнца. Руки на моей талии разжались и мой спутник весело хмыкнул и пожал плечами, с тихим шелестом втягивая крылья.

Я судорожно пытался отдышаться и заговорить, но шторм в голове продолжался, и слова застревали в горле, отказываясь выйти наружу. Паренек заглянул мне в глаза еще раз и на загорелом, необычной тонкой красоты, лице проступила теплая улыбка:

– Ну, как ты? Не обижайся на нашего капитана, он не всегда думает о последствиях своих пакостей, – на этих словах верманджи ехидно приподнял бровь и показал парнишке кулак, а я едва успел подхватить стремительно падающую челюсть. Капитан?! Это и есть капитан Деметрий Фаанмико? Вот уж не ожидал!

Тем временем, юноша ловким движением отстегнул от пояса и поднес к моим губам флягу, терпко пахнущую травами

и пряной горечью. Знакомый запах, однако. Эту же странную смесь ароматов я ощутил, когда внизу, на пристани, капитан потрепал меня по голове. Полынь, цветы эрминга и что-то еще, сладко ударившее в ноздри – никогда не пробовал такого. Я дрожащими пальцами перехватил флягу и, принявшись, сделал осторожный глоток. Терпкая жидкость мягко провалилась в горло, горячо обволакивая желудок и в легкие, наконец, со свистом пробился первый свободный вдох.

Закашлявшись, я согнулся пополам, раз за разом до предела наполняя грудь воздухом и отчаянно лова равновесие. С трудом отдышавшись, вновь выпрямился, и понял – звон и свист в ушах исчезли, как по мановению волшебной палочки. Протянул молодому человеку его фляжку, благодарно улыбнулся и, стараясь не тревожить саднящее горло, негромко поздоровался:

– Добрый вечер. Курьерская служба ЦКИ, посылка для капитана... – глаза Деметрия опасно сощурились, и он шагнул было ко мне, но новый знакомый предусмотрительно перехватил его руку, уже тянущуюся зажать мне рот.

– Привет – привет, курьерская служба! Я Виниар, штурман. Отдышался? Ну чудно... – весело перебил меня паренек и, обернувшись к капитану, продолжил, как ни в чем не бывало, – Долго ты сегодня. Все прошло хорошо?

Фаанмико кивнул, отбрасывая с лица выбившиеся пряди и, приподняв запястье, с преувеличенным вниманием воззрелся на удерживающую его руку. Штурман улыбнулся в

ответ и разжал пальцы:

– Не пугай ребенка, капитан. А то не дождется Столица своего героя, а нам потом отвечай! – рассмеялся он и, демонстративно вытянувшись в струну, козырнул: – Терр Фанмико, Рокассиодрия ничего без вас не учудила, команда, за исключением нескольких матросов и боцмана, предается разврату, содомии и алкоголизму, но увы, лишь во сне. Полагаю, я тоже могу идти?

Капитан, мгновенно включившись в игру, сурово сдвинул брови и, заложив руки за спину, прошелся перед замершим по стойке смирно штурманом туда-сюда, а после, остановившись напротив, долго сверлил его свирепым взглядом. После чего парни дружно расхохотались и Деметрий, притянув к себе подчиненного, похлопал того по плечу:

– Красавчик, Ниар! Топай, отдыхай. Если что, я тебя вызову...

Штурман, тепло улыбнувшись, отстранился и, круто повернувшись, быстрым, слегка враскачку, шагом скрылся из виду.

Проводив его долгим, задумчивым взглядом, пират обернулся на меня и, сверкнув белозубой улыбкой, сделал приглашающий жест ладонью:

– Прошу в мое логово, уважаемый курьер! Пентхауса не обещаю, но с комфортом обсудить наши с вами дела, думаю, вполне удастся...

Я кивнул, приглаживая окончательно вставшую дыбом

шевелюру и покорно двинулся вслед за капитаном.

Тот, мягкой, летящей походкой пересек палубу, словно не ощущая едва заметного подрагивания покачивающегося на волнах судна и распахнул передо мной крепкие двустворчатые двери, украшенные изящным плетением рунической вязи по всей длине.

– Добро пожаловать! – нарочито торжественно провозгласил он и, заметив мое замешательство, слегка подтолкнул меня вперед, обхватив за плечи, – Проходи, не бойся. Кровавый ритуал принесения в жертву курьера из Столицы пока отменяется.

Я, с любопытством оглядываясь, вошел внутрь довольно просторного помещения и остановился на пороге, давая глазам привыкнуть к царившему в каюте полумраку. Ловко обогнув мою застывшую в дверях тушку, Деметрий прошел вглубь комнаты и, подойдя ко внушительному столу, намертво не то прибитому, не то привинченному к полу, резко развернулся ко мне лицом, подперев ладонями столешницу. В глазах капитана полыхнули и тут же погасли алые блики и дверь за моей спиной с грохотом захлопнулась, а на стенах ярко вспыхнули небольшие светильники в герметичных цилиндрах из странного, тонкого стекла.

Помещение, в котором мы оказались, было воистину удивительным. Деревянные стены, словно оплетенные диким виноградом, украшены были искусно вырезанным орнаментом, грани которого мягко переливались в свете ламп милли-

онами радужных бликов. Единственный иллюминатор, находящийся в каюте и задрапированный плотной темной материей, почти сливался с обстановкой, став практически невидимкой на фоне остального аскетичного великолепия.

В углу, с трудом различимая невооруженным глазом, пряталась небольшая, изящная дверь. Поразмыслив пару секунд, я решил, что за ней находились капитанские покои. Стол, на который небрежно облокотился пират, честно говоря, больше напоминал склад или архив – кипы бумаг и карт, вперемешку разбросанных по широкой столешнице. Тут же находились и несколько удивительной формы, явно драгоценных камней, среди которых я узнал искристо сияющий, серебристый фатамани, подгорный аргау – яркий, зеленый, некрупный изумруд правильной формы, и матово – черный гагат в тонкой, серебряной оправе. И странной формы, квадратная, невысокая бутылка, небрежно прислоненная к, явно выделяющейся на фоне всего этого дива, подставке для контурной авторучки – 3D.

Два небольших шкафа, плотно закрытых на замки, явно искрящиеся защитной магией, замерли рядом с дверьми, по обе стороны входа, точно верные стражи, а на одной из стен, слева от стола, расположился удивительной красоты портрет. С него, чуть улыбаясь уголками губ, смотрел мальчишка лет семнадцати на вид. Русые густые волосы вьющейся, непослушной копной рассыпались по плечам, Бледная кожа в неровном свете огней казалась фарфоровой, коснись – и

юноша рассыплется. И глаза, огромные, как омуты, удивительного, сиреневого оттенка в обрамлении длинных, густых ресниц, мягко, слегка иронично глядящие куда-то вдаль. Однако мне, замороженному этой красотой, казалось, что ангел с портрета смотрит прямо в душу.

Пират проследил мой взгляд и его глаза точно окаменели на миг, превращая живое, подвижное лицо в мраморную маску. Я торопливо отвел взгляд, однако Деметрий уже отвернулся от портрета и, обогнув стол, удобно устроился в глубоком кресле с округлыми боками. Мягко кивнул на второе, стоящее у стены:

– Присаживайся, в ногах правды нет. Так что там за документы, малыш? Я, вроде, слабо похож на казначея... – насмешливый, янтарный взгляд встретился с моими глазами, и пират похлопал ладонью по столешнице, – Выкладывай!

Я, сняв с плеча удобный кожаный портфель, чудом не утерянный во время специфической «погрузки» на Рокассиодрию, вынул оттуда и отдал капитану заветную папку, а сам, тем временем, занял предложенное кресло. Фаанмико, приняв документ, некоторое время задумчиво перелистывал ламинированные страницы, чуть хмуря брови и постукивая кончиками пальцев по столу, затем поднял на меня голову и улыбнулся:

– Я все понял, уважаемый. Единственное, что вводит меня в заблуждение – почему на обсуждение достаточно важного вопроса спонсирования клиники мне прислали курьера, а не

кого-то, компетентного в данном вопросе? – негромко поинтересовался он, опустив подбородок на скрещенные пальцы и не сводя с меня пронзительного взгляда, – Или все-таки господин курьер не тот, за кого себя выдает?

Корабль качнуло, чуть накренив в сторону и я инстинктивно ухватился за высокие подлокотники, вновь мучительно краснея. Черт, никак от этой привычки не избавлюсь! Пират наблюдал за мной, не шевелясь, словно замершая в траве змея, терпеливо ждущая, пока ничего не подозревающая мышь подойдет поближе. Внутри, обжигая ледяной волной, зашевелился страх... Так, спокойно! Я поторопился ответить, надеясь, что голос звучит уверенно и ровно:

– Вы совершенно правы, терр капитан, я не сотрудник курьерской службы, я – ассистент и правая рука главного врача отделения экспериментальной хирургии. У нас небольшие проблемы с кадрами, а Мастер Лео вырваться не смог по той же причине – оперировать некому...

Парень слушал меня молча, не меняя ни позы, ни выражения лица и я растерянно замолчал, неосознанно вжимаясь в спинку кресла в попытке спрятаться от пристального взгляда солнечных зрачков. Наконец, выдержав секундную паузу, капитан медленно проговорил, выпрямляясь в кресле:

– Значит, говоришь, Леоран не смог освободить время для решения довольно важных для его отделения, на мой взгляд, вопросов? Очень интересно... – он вновь опустил глаза на документ, внимательно вчитался в него еще раз и

уточнил, – Максидери Тальвиго – это ты, верно?

Я кивнул, заставляя себя дышать ровно и глубоко. Сам не знаю, почему, но присутствие рядом Деметрия вышибало из колеи, пугало и заворачивало, как танец кобры перед застывшим в страхе грызуном. Или как море, несущее к скалистым утесам черные штормовые волны и с грохотом обрушивающее на камни свою яростную, первобытную мощь. Надо взять себя в руки! В чем дело, почему мне так страшно, черт возьми?

Судорожно сжав пальцы на подлокотниках, я ощутил резкую боль в стиснувших дерево мышцах и, наконец, смог протолкнуть в легкие воздух:

– Зовите меня Макс, терр капитан, это значительно упростит наш диалог и сократит время, на него потраченное... – капитан поднял на меня глаза, улыбнулся уголками губ, вскинул бровь, но промолчал, не сводя с меня внимательно-острого взгляда, – Видите ли, юнга Эвиар, чьим опекуном вы являетесь, сейчас находится в послеоперационном периоде, который переносит крайне тяжело. Необходимы повторные хирургические вмешательства и длительная реабилитация, финансировать которую отделение не в состоянии. Требуются многократные процедуры гемотрансфузии и...

Верманджи подскочил, как ужаленный. Глаза, только что пристально изучавшие мое лицо, наполнились алым сиянием. Магия Огня, редкая, сложная, стихийная Сила, мало кого признающая и почти неуправляемая. Как она оказалась у

пирата, друга морей, явного почитателя водной стихии?

Тем временем, перемахнув через стол одним легким прыжком, капитан оказался четко напротив меня. Голос его, прежде мягкий, бархатный, почти вкрадчивый, стал вдруг холодным и жестким, как гранит:

– Ты хочешь сказать, драгоценный мой, что ваша клиника, лучшая из тех, о которых я слышал, не способна привести в порядок молодого, здорового парня после ранения? Не магического удара, не множественных травм, а ножевого ранения, пусть и довольно опасного? – желтые радужки заполнили кроваво полыхающие блики, и я сжался в кресле, быстро окидывая взглядом каюту. Оттолкнуть, заслониться, бежать. Куда? Маг Огня, находящийся на палубе своего корабля, и я, гость, знающий о боевой магии лишь в теории и не особо уверенно владеющий оружием. Ножа с собой у меня не было, а рискнуть и сдернуть ножны с пояса капитана я бы не осмелился даже во сне!

Пират вдруг, словно бы догадавшись о моих далеко идущих планах, коротким, законченным движением наклонился, опираясь на подлокотники полусогнутыми руками и приблизился ко мне вплотную, обдав знакомым уже запахом трав:

– Я задал тебе вопрос, коновал. Будь добр на него ответить! – тихо, но отчетливо проговорил он, не отрывая от моих глаз жуткого, алого взгляда. Понимая, что молчание вряд ли поможет успокоить Деметрия, я, стараясь не замечать бе-

шенного жара его кожи и собственных трясущихся рук, быстро заговорил, опасаясь сбиться или что-то забыть.

Переворот и волна бунтов в Столице, смена власти, ограничение финансирования ЛПУ, сокращение кадров, дрожащие руки оставшихся в строю врачей, порой по восемь-десять часов не отходящих от стола и давно забывших, что такое выходные, неисправная аппаратура, которую нам категорически отказываются менять, пациенты, лежащие прямо в коридоре на каталках, снующие туда-сюда последние три медсестры, еще не положившие на стол заявления об уходе, урезанные зарплаты, неоднократные попытки закрыть, уничтожить отделение, на создание и развитие которого каждый из нас потратил большую часть жизни...

Опустив глаза, чтобы не сбиваться, чувствуя дыхание капитана на своей щеке, открытой кожей запястий ощущая нестерпимый жар его магии, я продолжал говорить, спокойно, ровно, словно диктофонная запись:

– Таким образом, мы вынуждены обратиться за помощью к родственникам пациентов. Боюсь, шансы на то, что без вашей помощи мы сможем сами кому-то её оказать, стремятся к нулю. В документе есть подробная сумма на лечение конкретно вашего подопечного и... – я-таки запнулся и вскинул на Деметрия глаза, – И мы надеемся на то, что вы сможете предоставить нам займ. Подробности так же указаны в документах. С аналогичными просьбами нам пришлось обратиться в Гильдию наемников и Клан ликвидаторов. Если

закон и государство не желают спасти нас, мы попытаемся спасти себя сами. Больше мне добавить нечего, простите...

Капитан продолжал внимательно смотреть на меня, только вот глаза утратили жуткий, красный оттенок, вернув себе медовую глубину. Я умолк, судорожно пытаюсь разжать намертво закаменевшие на подлокотниках пальцы. Сверху было тихо и сердце мое, в очередной раз испугавшись, вновь пустилось было вскачь, как вдруг парень плавно опустился на корточки перед моим креслом и аккуратно снял мою левую руку с несчастной деревяшки. Затем та же судьба постигла и правую и, стоило обеим рукам с намертво сведенными судорогой пальцами оказаться в горячих ладонях верманджи, я понял, насколько сильная дрожь меня колотила все это время. Черт, а я и не заметил...

По-прежнему не сводя с меня внимательного взгляда, пират поднес мои руки к губам и что-то зашептал, быстро, неразборчиво, точно молитву. Почти сразу неадекватно скрюченные фаланги прошило мелкими электрическими разрядами, разбежавшимися по венам, и, наполняясь изнутри удивительным теплом, они, наконец, расслабились.

Горячие пальцы, осторожно, по очереди массируя то одну, то другую стремительно теплеющую ладонь, бережно уложили пострадавшие конечности мне на колени и Деметрий мягко поинтересовался:

– Руки чего не бережешь, балбес? Эдак без пальцев остаться можно! – И, отстранившись, негромко закончил,

едва заметно улыбаясь, – Не злись на меня, ассистент. Я должен был понять степень честности, с которой вы просите нас о помощи. Понимаешь, не вы первые умоляете нас о займе. Вернее, конкретно меня. Я в курсе о том, что творится в Столице, и в курсе, что очень многие сейчас пытаются воспользоваться бедственным положением и разбогатеть на чужом горе. Лео говорил мне о ситуации, сложившейся в вашей клинике, и я уже пообещал ему помощь, малыш. Документы – лишь формальность. Но у меня оставались некоторые подозрения, касаемо честности, выданной мне информации. А ты... Ты же совершенно не умеешь врать, ребенок. Мне даже немного мерзко, что пришлось так тебя пугать, но теперь я уверен – Лео был честен. Я помогу вам. Эви мне как сын и одно это – повод пойти вам навстречу...

Не закончив мысль, капитан легко поднялся на ноги, и, вновь вернувшись за стол, вынул из папки несколько листов. Еще раз изучил документы сверху донизу и, утвердительно кивнув, потянул за цепочку висящий на шее странный амулет. Сжал плоскую, небольшую пластинку между ладонями, дожидаясь, пока она вспыхнет неярким синеватым светом и, осторожно перехватив артефакт пальцами, поочередно приложил его к выбранным бумагам.

Поняв, что отпечаток этой штуки, по всей видимости, заменяет капитану роспись и скорее всего, она появилась на втором экземпляре документа, лежащего на столе в кабинете Леорана, я облегченно выдохнул – все получилось. Вздых

получился едва слышным, однако капитан, бросив на меня через плечо озорной взгляд, рассмеялся:

– И как тебя в хирурги пустили, нервного такого? Ты и пациентов так же боишься?

Я, наконец расслабившись, позволил себе улыбнуться в ответ и негромко пояснил, чувствуя разливающиеся внутри волны гордости и удовлетворения:

– Чуткий врач – хороший врач. Да и пациенты обычно не рычат на меня, как ненормальные и в небо не уносят, как ястреб – цыпленка. И тем более не пытаются прибить мною кого-нибудь из своих знакомых!

Фаанмико потрянул головой и выпрямился, подавая мне папку:

– Готово, малыш. Принимай, проверяй! Все везде подписано, все точно и по унциям, как в аптеке, – насмешливо осклабился он и вспрыгнул на стол, решив, видимо, использовать его в качестве сиденья, – И вот только не говори, что тебе не понравилось летать! Ты же едва не взорвался от восторга, чудак...

Я, чувствуя его неотрывное внимание, осторожно открыл папку и бегло прошелся по цифрам и датам. Нашел глазами подпись капитана и изумленно заморгал – в нужной графе элегантно, почти каллиграфическим почерком была выполнена самая настоящая авторская роспись. Поднял голову, уже набирая в грудь воздуха для вопроса и почти стукнулся носом о протянутый мне стакан с ароматной янтарной

жидкостью:

– Много, где и много кто требует мой автограф, малыш, а я слишком ленив, чтобы писать. Угощайся! Сделки принято обмывать, а страхи – успокаивать. Не бойся, это «каррайдо», что-то вроде рома, но с добавлением трав и специй. Секретный рецепт расы верманджи – он усмехнулся, – Не отравлю, попробуй. Тебе явно нужно выдохнуть, приятель!

Я бережно принял угощение, сомкнув все еще ноющие пальцы на прохладном тяжелом стекле и поднес стакан к носу, вдыхая знакомый пряный запах. Задумчиво перечислил:

– Полынь, эрминг, златорог, вьюнковая мята и золотой перец?

Пират, перехватив мой взгляд, лукаво улыбнулся и качнул головой, наполняя помещение мелодичным звоном украшений в волосах:

– Верно, малыш, все верно, кроме полыни... Полынный запах идет не от стакана, – загадочно произнес он и, протянув руку, коснулся чего – то за моей спиной, отозвавшегося гулким металлическим звяканьем. Я поспешно повернулся на звук – прямо над моей головой, скрытая хитро прилаженными досками отделки, слабо дымилась маленькая, бронзовая курильница. Ноздрей вновь коснулся горьковатый, завораживающий запах. Я обернулся к капитану, удивленно округлив глаза.

Ответ пришел незамедлительно:

– Моя раса и моя стихия, скажем так, слегка конфликт-

ны, – Деметрий, по обыкновению, смотрел мне в глаза, чуть склонив голову, отчего и без того пристальный взгляд ощущался острее клинка, – Полынь является чем-то типа катализатора, громоотвода. Поэтому я постоянно то обнимаюсь со всевозможными окуривателями, то плещусь в ней, то на себе таскаю. Поэтому и пропах ею снизу доверху...

Я задумчиво хмыкнул, по привычке взъерошив на затылке волосы и отвел взгляд. Катализатор... Да, что – то подобное мне рассказывал и Лео, когда упоминал магов Огня и Крови. Оборотень не может принять в себя агрессивные стихии, так как его Сила совершенно точно выйдет из-под контроля. Но процесс утраты сознания можно было задерживать, и такими вот барьерами были некоторые травы, металлы и камни: серебро, гагат, фатамани, полынь и злоуст – невысокий жесткий кустик с синеватыми листьями, обитающий на островах одной из северных планет Империи, носящей гордое имя «Альватер». Многим из рас-оборотней, таким, как верманджи, тейминги, асахину, в этом серьезно помогала и собственная Сила их Рода, впитанная с молоком матери. Но катализаторами пользовались все оборотни, от мала до велика.

От потока мыслей, доводов, фактов и вопросов меня отвлекло звяканье стекла о стекло и внезапно потяжелевший в руках стакан. Капитан вновь, плавно подтянувшись на руках, вспрыгнул и удобно расположился на столешнице, весело поблескивая янтарными зрачками, а я вдруг ощутил на

губах знакомую уже, вязкую горечь и понял – уйдя с головой в свои рассуждения я, неожиданно для себя, опустошил чашу.

По телу разлилась уютная усталость и я впервые за эти несколько часов позволил себе расслабиться и откинулся на спинку кресла, наконец осмелившись посмотреть в глаза собеседнику. Тот с любопытством наблюдал за мной, грея в ладонях бокал с плещущейся внутри ароматной жидкостью, играющей на стенках золотыми бликами. И, неожиданно для себя, я вдруг поинтересовался:

– Терр капитан, почему вы предпочли море Огню? Стихия, живущая в вас разве что слепому не заметна!

Фаанмико слегка нахмурился, задумчиво водя большим пальцем по ободку стакана и медленно, точно говоря сам с собой, ответил:

– Эта магия могла многое изменить, исказить, малыш. Она безумна, свободолюбива и не терпит снисхождения и фривольности, – он вдруг расцвел невероятной своей улыбкой и закончил, – Как я сам! Такой стихии нужен тот, кто будет ее удерживать, а не потворствовать ее жестокости. Море в этом плане мне ближе – нас с ним влечет именно друг к другу, а не вместе и в одном направлении. Огонь – это ярость и мощь, а море... Море, это свобода, ассистент Макс. Чистая свобода, без примесей!

Глаза капитана горели, словно два маленьких солнца, то наполняясь блеском расплавленного золота, то становясь по-

что карими и я затаил дыхание, подчиняясь этому низкому, бархатному голосу, который словно бы звал навстречу той самой свободе, даря ее мне, как ребенку дарят сказку. В голове слегка зашумело не то от непривычно крепкого алкоголя, не то от внезапной волны радости, теплыми мурашками раскатившейся внутри, и я на миг представил себе Свободу так, как видел ее сидящий напротив пират – нежно укрытую морскими ветрами и поднятую к небесам волнами шторма, опаленную до черноты южным солнцем и пропитанную до самого нутра ароматами полыни и рома. Я улыбнулся, удивленно понимая, что опять забыл дышать и сделал глоток из стакана, ставшего почти горячим в крепко сжимающих его пальцах.

Раздавшийся снаружи вопль:

– Твою мать, кто отдал приказ поднять бочки на борт! Живо найдите мне этого сукина сына, якорь ему в...! Сколько раз было повторено капитаном, куда вы эти бочки должны себе засунуть и когда! Разгружай, собаки, пока я вам ... в ... не загнал по самые гланды!

– Так ну, терр боцман, это прямое распоряжение terra штурмана было, мы думали... – громко и испуганно загомонили сразу несколько голосов, а следом раздался хлесткий удар и грохот, словно с неба уронили на палубу огромный камень. Кто – то заорал и заматерился, где – то зазвенела сталь и вновь что-то с невероятным грохотом обрушилось, заставив палубные доски низко загудеть

Капитан на секунду спрятал за темными ресницами, вновь ставшие алыми, зрачки и соскочил со стола. Улыбнулся, удержав меня за плечо на кресле:

– Отдыхай, малыш, ничего сверхъестественного не происходит. Пока ты в этой каюте – тебе сам черт морской не страшен, помни! – и, насмешливо сощутив глаза, летящим своим, быстрым шагом вышел за двери.

Снаружи, буквально в толику секунды, воцарилась резкая тишина, после чего незнакомый хриплый голос рывкнул во всю мощь легких владельца:

– Капитан на палубе!

И нестройный, но дружный хор голосов оглушительно проорал незнакомое мне слово: «Йораннхар!», заставив стены каюты вздрогнуть.

Корабль качнуло и дверь, неплотно прикрытая пиратом, захлопнулась, отгораживая меня от происходящего снаружи уже окончательно. Как бы я не прислушивался, до меня долетали лишь обрывки голосов и звуков, точно сам корабль, не доверяя чужаку, оберегал от меня секреты своей команды. Вздохнув, я вновь откинулся на спинку кресла и, машинально сделав еще один глоток чудесного напитка, повторно обвел взглядом каюту, остановившись на портрете незнакомою юноши. В теплом свете огней он дышал и улыбался, словно живой, нежно-сиреневые глаза манили к себе, не давая оторваться и я, словно в трансе, поднялся с кресла и осторожно приблизился к еще одной чудесной тайне капи-

тана Фаанмико.

Неведомый художник, казалось, вложил в портрет душу. Или продал ее Дьяволу, насыщая тонкие черты идеально прорисованного лица неведомой, необъяснимо сильной магией. Цвета и оттенки смешивались и переливались на холсте, точно радуга после дождя, то становясь пастельными и почти бесцветными, то вдруг взрываясь бешеной гаммой огненных брызг. Мальчишке на портрете сложно было дать старше семнадцати лет, но вот взгляд – теплый, по – взрослому уверенный и спокойный делал его старше, как минимум, в два раза. Я опустил глаза в правый, нижний угол, ища подпись художника. Взгляд наткнулся на выполненные черной тушью строки: «Риор, ин’хьяго ле вьордиен ди’жерр меленгри ауэй...»

Незнакомый, певучий язык удивил меня. Изящные, странного вида символы, сложившиеся в относительно понятный текст, напоминали эльфийскую вязь, но было в них что – то строгое и законченное, что делало их резко непохожими на буквы эльфийского алфавита, который я хоть немного, но знал. Не удержавшись, я протянул руку и осторожно коснулся надписи кончиками пальцев, удивляясь неведомо откуда взявшейся тоске, словно камнем придавившей сердце, заставляя его биться вдвое чаще обычного.

– «Риор...» – голос капитана, раздавшийся от двери, был неожиданно пронизан нотками едва уловимой в бархатных обертонах печали. Я не стал оборачиваться, необъяснимым

образом поняв – не это сейчас нужно пирату, неприятно будет этому незаурядному существу мое внимание и сочувствие. А Фаанмико, приблизившись ко мне со спины, закончил фразу, – «...и вечность не так страшна там, где есть ты». Это язык ваальсири, ледяных эльфов. Его язык. Его звали... зовут Риор Теннеригу.

Я, словно зачарованный, вновь протянул руку к портрету и тут же почувствовал, как обхватили запястье горячие пальцы:

– Не трогай, малыш. Не стоит... – пират, мягко отпустив мою руку, отошел к столу и залпом опрокинул в себя содержимое терпеливо дожидавшегося его стакана.

Я, помедлив, снова взглянул в удивительные глаза ангела на портрете и вернулся в кресло. Взглянул на капитана, который замер, глядя куда-то поверх моей головы и, осмелившись, негромко спросил:

– Он... Умер, да? Риор? – верманджи вздрогнул, приходя в себя и отрицательно покачал головой. Я облегченно вздохнул и улыбнулся ему, – Красивый портрет. Тот, кто его писал, должно быть, настоящий мастер своего дела. Не подскажите, чье это творение? Кто художник?

Фаанмико тихо, невесело рассмеялся. Подтянул из-под стола носком ботинка свежую бутылку невероятной своей амброзии, ловко подкинул ее на уровень глаз и, сделал большой глоток прямо из горлышка. Задумчиво покачал емкость в ладони и, наконец, ответил:

– Я, малыш. Я...

Монолог Д. Фаанмико

Как часто, глядя в небо, мы думаем о прощении, смерти, истине? Согласитесь, это редкое явление. Почему? Сейчас начнутся массовые словесные излияния на тему бессмысленности высоких материй в быту и прочее искристое, пафосное и совершенно ложное. На мой взгляд, нам просто страшно. Страшно представить, как мы будем умирать, страшно подумать, где сейчас тот самый, единственный человек, чье прощение стало целью всей жизни, страшно услышать то, чего боялся много лет, потому что правда – это, черт возьми, больно.

Вот и думаем мы, всматриваясь в иссиня-черную мглу, обо всяких банальностях – где найти подходящую бухту и дожждаться отлива для кренгования, как бы возродить назад клан Черных капитанов, ибо от него было чертовски много пользы, на каком из островов, наконец, выпустить команду развеяться, пока эти морские бесы не перегрызли друг друга...

Да, мы – это я и трое моих братьев: шерстяной, рогатый и крылатый. А вы надеялись, что я сейчас тоже начну плевать во все стороны внутренним миром? Нет, не сегодня, пожалуй.

Палуба привычно согревала спину под тонкой тканью рубашки, даря ощущение защищенности и покоя. Рокассиод-

рия, мягко бегущая вперед, мерно раскачивалась, словно танцуя контрданс в ритмично вздымающихся волнах Фальфаярского моря. Звездное небо черной тенью расчерчивали ломкие очертания бизань-мачты и слышались неподалеку тихие шаги и дыхание рулевого, терпеливо несущего последние часы ночной вахты в ожидании, когда сменят его бедолагу, на этом ответственном посту.

Где – то внизу переговаривались вахтенные, искренне думая, что делают это тихо и замер, точно мраморная статуя, тонкий силуэт, черное пятно на фоне бескрайних небесных просторов – Элоиз там, наверху, внимательно вглядывается вдаль, режут морскую гладь удивительные оранжевые драконьи радужки, для которых не существует слов «ночь» и «темнота». За то и держу, хех...

Безумно люблю эти последние, предрассветные часы ночной пляски наперегонки со временем, когда кажется, что весь мир вокруг тебя замер и дыхание корабля становится твоим, а биение волн о дерево борта заменяет пульс крови в жилах. Свобода, данная свыше, подаренная и не отнятая никем и ничем. Это и несет в себе слово «Море». Это и есть я. Все мы. Это и есть Рокассиодрия.

Негромко скрипнули доски мостика совсем рядом с моей головой и я улыбнулся, встречаясь взглядом с мягко светящимися в темноте, изумрудными зрачками присевшего на корточки Винаара:

– Не спится, брат? До начала твоей вахты еще часа три

есть, отдохни, завтра будем идти через Драконью пасть, нужно быть в состоянии воспринимать реальность... – Я приподнялся на локтях, отбрасывая за спину волосы.

Штурман неопределенно пожал плечами и негромко ответил, осторожно протягивая мне выпавший из косы амулет.

– С нами связался главный врач ЦКИ, отделения какой-то там необычной хирургии. Ну, куда у нас Эвиар попал не так давно, помнишь? – Он внимательно, почти моим жестом, заглянул мне в глаза и продолжил, – Просил передать, что курьер с документами на кредит их отделению отправится завтра на остров Мельсири, где будет ожидать нас в бухте «Два Серпа».

Я задумался, машинально переплетая косу. Мельсири... Остров, окруженный грядами рифов и скал, опутанный сотнями подводных тоннелей, небольшой и малонаселенный. Бывали, знаем. Вдоль позвоночника пробежала дрожь, когда в голове, словно на экране фонвизора, побежали картины – красивый и теплый, этот остров, защищенный со всех сторон острыми клыками скалистых гряд, нес огромную опасность каждому кораблю, желающему причалить к его гостеприимным берегам. И это жгло изнутри сумасшедшей волной нетерпения, радости и азарта – я люблю и всегда любил принимать вызов, бросаемый мне Богом морей. Странно только вот что – почему Лео выбрал именно Мельсири, почему решил отправить курьера вместо того, чтобы прибыть самому, почему вообще обратился со всем этим именно ко

мне. Когда мы впервые оговаривали этот вопрос несколько недель назад, я полагал, что он проведет переговоры лично и, признаюсь, очень его ждал.

Ладно, разберемся! Я поднялся на ноги, на секунду при-тянул к себе по-утреннему расслабленного и спокойного Ни-ара, зарылся пальцами в терпко пахнущие морской солью и ветром волосы:

– Пойдем тогда навигацию налаживать, раз уж не спишь! Негоже будет заставить нашего гостя ждать на берегу... – штурман улыбнулся, по – мальчишески тряхнув головой и, привычно вывернулся из рук. Обошел удивленно обернув-шегося рулевого и словно расцвел, направляясь к своей дра-гоценной обители, в которую он с крайней неохотой пускал даже меня. Навигационная рубка была его детищем, вышко-ленным и выверенным до сантиметра и каждый из прибо-ров, в ней находящихся, этот худошавый парень с весенними глазами знал, как буквы своего имени, оберегая их, словно детей и гневно шипя на любого, кто протянет к ним лапы.

Я хмыкнул, чувствуя, как начинаю улыбаться и пошел следом, откровенно любясь летящей, мягкой поступью пар-ня и выющейся гривой, слегка растрепанной ночным хулига-ном-ветром. Да, терр штурман, веревки ты из меня вьешь, верная птичка на плече капитана, мой брат и друг. И пусть меня сожрет гигантский кальмар, если я хочу иного. А по-ка – держим курс на Мельсири! И где-то внутри подсказы-вает мне внутренний демон – это «жжж» неспроста!

...

– Здравствуйте, терр Фаанмико, в чем дело?

Изящная, белокурая девушка-секретарь подняла от кипы бумаг серьезные, серые глазищи и смущенно зарделась, едва встретившись со мной взглядом. Что же, ситуация привычная, человеческой девчонке противостоять моей магии крайне сложно. Я слегка поклонился, чувствуя, как вползает на лицо усмешка – забавная деваха, маленькая, пугливая, но исполнительная. Вон как замерла, ожидая, чего я ей скажу.

Я покосился на плотно прикрытую дверь в кабинет главного врача клиники:

– Терр Леоран на месте? Я – опекун раненого парня, которого к вам сегодня доставили. Хотелось бы обсудить с вашим начальником некоторые детали лечения.

Девчонка подорвалась с места, с явным облегчением отвернувшись от меня и практически побежала выполнять просьбу, на ходу тараторя:

– Да, конечно, одну минуточку, сейчас я доложу Мастеру о вас! Присядьте пока, терр главный врач в это время очень занят, прошу, подождите!

Дверь, стремительно распахнувшая створки, едва не влепила бедной секретарше по лбу, заставив отпрыгнуть назад и наружу выглянул высокий мужчина в медицинской, стерильной маске и зеркальных защитных очках. Длинные, практически до поясницы, пепельно-серебристые волосы собраны в небрежный хвост, светло-голубой хирургический костюм

идеально сочетался с белым халатом, а из нагрудного кармана деликатно выглядывал кончик темно-синей авторучки

Я изумленно поднял брови – ладно халат, я даже могу понять наличие маски, но очки-то зачем? Боится, что сглазят? Что за маскарад такой?

Заметив мой взгляд, мужчина на секунду обернулся, приветливо мне кивнул и окликнул секретаря:

– Эдриа, милая, сколько раз тебе говорить – не стоит заходить через эту дверь! И гостей, не относящихся к министерской братии, в нее впускать тоже не нужно, – голос главврача, мягкий, бархатный, с легким акцентом, запустил по рукам и спине приятные мурашки. Я почувствовал, как тело вдруг подалось вперед, словно пытаюсь впитать в себя эти удивительные обертона и повторно удивился. Не бывало со мной подобного до сих пор.

Мужчина, тем временем, вновь обернулся на меня:

– Я полагаю, вы и есть терр капитан Деметрий Фаанмико? Проходите в конференц-зал, вон в ту дверь, я сейчас подойду. Необходимо завершить некоторые дела, кои не требуют отла...

Парень, охнул, поперхнулся и едва не рухнул на пол, когда, схватив за руку, я без колебаний потащил его следом. Рывком распахнул указанную дверь и, шагнув внутрь, втянул Леорана за собой. Парень, отчего-то, совершенно не сопротивлялся. Покорно вошел, огляделся и аккуратно прикрыл изнутри дверь. Молча прошел мимо меня и, запрыгнув

на огромный стол для совещаний в центре комнаты, удобно уселся на столешнице.

– Вы что-то хотели со мной обсудить, терр капитан? Я весь внимание, – в голове странного доктора зазвучала улыбка и я снова поймал себя на мысли, что нестерпимо хочу сорвать с него очки и, наконец, увидеть, что за чудо прячется подо всей этой защитой. Мужчина тихо рассмеялся, очевидно поняв мой взгляд и пояснил, – Я не стану разоблачаться, с вашего позволения. Видите ли, моя раса – солнечные вампиры дайуману – имеет ряд противоположных особенностей. Мы питаемся людским восхищением, страстью, любовью. И для этого матушка – Природа наградила нас сильнейшей магией притяжения, которая срabатывает, стоит кому-либо посмотреть нам в лицо, заглянуть в глаза. Вы же не хотите начать сходить по мне с ума, верно?

Я изумленно поднял на него взгляд. Чего? Дайуману? Легендарная раса, которая, если верить книгам, сгинула вместе со своей планетой – Тимьериа больше тысячи лет назад? Бред какой! Руки поневоле сжались в кулаки – эти мне врачи, вечно что-то мутят, придумывают, и врут по поводу и без!

Леоран тем временем негромко продолжил:

– Честно говоря, я и сам хотел кое-что с вами обсудить. Но сперва по вашей проблеме – если вы хотите узнать о состоянии вашего подопечного, то краткий вердикт таков – мальчишка потерял много крови, нож вошел в правую долю пе-

чени, задел крупные сосуды. Поразительно, как вы вообще довели его живым. Это чудо, не иначе! Я лично оперировал его сегодня и могу сказать – масштабы катастрофы серьезные, но шансы у парня есть и огромные. Организм молодой, к тому же у его расы довольно высокая регенерация тканей. Справится, я полагаю!

Складно поет коновал, заслушаться можно! Ну да плевать, если он действительно так гениален, как о нем говорят, пусть хоть сыном Императрицы себя называет, главное, чтобы работу свою знал. Я кивнул:

– Хорошо, терр Леоран, я вас услышал, делайте, что должны... И еще, я могу увидеть его?

Врач отрицательно покачал головой:

– Придется потерпеть, друг мой, юноша сейчас находится в бессознательном состоянии. И к тому же, ему требуется покой и непрерывное наблюдение персонала. Боюсь, пока встречу организовать я вам не смогу. А по поводу лечения – возникают некоторые затруднения, – мужчина на секунду отвернулся, тяжело выдохнул сквозь зубы какое-то ругательство и продолжил, – Видите ли, в чем дело, терр капитан. В связи с некоторыми неприятными лично для меня и для всех нас обстоятельствами, обеспечить пациентам полное лечение и достойный уход наша клиника в данный момент не в состоянии. Посему нам приходится идти на опрометчивые шаги и брать займы у... кхм, скажем так, не совсем официальных спонсоров. Я уже обратился с этим вопросом к Гла-

ве Гильдии наемников и представителям Клана ликвидаторов. Теперь прошу помощи еще и у вас. Займ в пятьсот тысяч необходим клинике буквально на один год. Надеюсь, вы сможете оказать нам эту услугу, уважаемый терр Фаанмико.

Вот так номер! Нет, я слышал, конечно, что после смены Верховного правительства Империи, многие организации оказались без гособеспечения, и в Столице, да и не только, царил полный хаос. Но чтобы власти прекратили финансирование больниц? Немыслимо!

Однако, сидевший передо мной мужчина был невероятно серьезен и, кажется, не лгал. Я задумался: с одной стороны, пятьсот тысяч – деньги немалые и это, пусть и незначительно, но ударит по бюджету что Рокассиодрии, что моих земель. Но с другой – иметь в должниках такого, как Леоран – великого гения, известного на всю Империю, личного врача Императрицы? Черт возьми, это невероятно заманчиво. Вот только...

Я, чувствуя, что начинаю улыбаться, сделал шаг навстречу испуганно шарахнувшемуся медику:

– В целом, я понимаю вашу ситуацию, терр главный врач. Бедлам в Империи коснулся нынче многих. Вот только – как я могу доверять тому, кого даже в лицо не вижу? Неравноценный обмен, вам не кажется?

Мужчина дернулся, пытаясь увернуться от моей руки, но было поздно. Пальцы ловко схватили плотную серебристую дужку очков, и я стремительно сдернул их с носа врача. И

замер, не в силах пошевелиться и вдохнуть...

На меня, чуть прищуренные из-за внезапно яркого света, смотрели глаза ангела. Большие, немного вытянутые к вискам, обрамленные густыми, длинными темными ресницами, с яркими радужками, цвета расплавленного серебра. Парень, негромко охнув, попытался заслониться рукой, но я крепко перехватил изящное запястье и вновь впился взглядом в это неземное великолепие. Второй рукой осторожно отвел от лица Леорана мягкую ткань маски. Надо же, совсем еще молодой, с поразительно тонкими, но твердыми чертами лица, в углах губ залегли небольшие морщинки – парень явно часто улыбается.

Я судорожно выдохнул, обжигая слишком надолго задержанным дыханием легкие. Мягко подался вперед, кончиками пальцев бережно касаясь прохладной кожи на щеке внезапного чуда и почувствовал, что улыбаюсь. Парень устало вздохнул и обреченно снял маску полностью:

– Ты, друже, итак уже вляпался, а я хоть отдохну от всего этого, – грустно усмехнулся он, вызвав во мне очередную волну дрожи.

– Вот теперь все честно, Лео, – я, сделав над собой усилие, отстранился и отпустил руку парня, – Я помогу тебе, обещаю. И не нужно так от меня прятаться, поверь, я способен держать себя в руках. Просто я не приучен верить тому, чьих глаз не вижу. Спасибо, что позволил мне эту вольность.

Леоран, на секунду прикрыв глаза, чуть иронично улыб-

нулся в ответ на мои слова:

– Что же, будь по-твоему. Надеюсь, что ты и впрямь силен в самоконтроле, Деметрий. Спасибо, что согласился помочь. А теперь, пожалуйста, иди, хорошо? Я очень устал сегодня. Я доставлю документы, как только они будут готовы.

Уже выходя за дверь, я обернулся. Лео все также сидел на столе, опустив руки на колени. Чувство жалости и удивительного единства с этим невероятным существом захлестнуло с головой. Почуввав мой взгляд, парень кивнул мне и тихо произнес:

– Очень много дорог ведут к фееричному финалу, Деметрий. Но среди них нет верной. Есть только твоя и чужие. Не ошибись, прошу тебя. Иначе игра будет проиграна.

Дверь за моей спиной мягко захлопнулась...

...

...То, что моя интуиция в очередной раз меня не подвела, я осознал лишь когда Рокассиодрия, преодолевшая Драконью пасть и выбравшаяся из шторма, неведомо почему никогда не прекращающегося внутри этого жуткого ущелья, вышла наконец в нейтральные воды. Измотанная команда еле таскала ноги, механически продолжая делать свою работу и даже боцман, лениво покрикивающий на выжатых, как лимоны, людей, не выглядел даже вполовину так грозно, как всегда.

Я отошел от штурвала, уступая место рулевому и потянулся, разминая затекшие мышцы – дикая пляска штормящего

моря, казалось, вывернула наизнанку все кости. Дриан, высокий, подтянутый оборотень-асахину с холодным взглядом и полностью седой, невзирая на молодость, бережно принял управление, чуть сжал зубы, когда укололо в пальцы сотнями тонких игл и прикрыл глаза, проникая в системы управления кораблем. Судно вздрогнуло всем своим массивным телом и словно вздохнуло, подчиняясь новым рукам.

Облокотившись о перила мостика, я окинул взглядом палубу. Носятся мои ребята, стараются, ухаживают за измученным кораблем, приводят в порядок снасти, скидывают за борт непонятно откуда взявшиеся куски кораллов, пучки водорослей и огромные раковины моллюсков, вполголоса переговариваются. Странная традиция на Рокассиодрии возникла – выйдя из шторма, первые минуты не говорить громко. Словно опасались мы, что разгневадается вновь морской Бог и вели себя тихо, стараясь не побеспокоить звенящую тишину вокруг.

Поднял голову ближайший ко мне матрос – огненно-рыжий Фрай с раскосыми, нагловатыми, невозможно-синими глазами и, улыбаясь во все свои клыки, завопил:

– Капитан на мостике!

Он выпрямился первым, приложив руку к груди. И сразу зашевелились, зашумели остальные, приветствуя своего капитана. Не удержавшись от шутки, я закрыл уши ладонями, притворно морщась, а затем коротким кивком поприветствовал команду.

Ребята вновь загомонили и тут же смолкли, ожидая моих слов. Я не торопился, разглядывая их и чувствуя, как тепло становится внутри – загорелые, усталые, но улыбочиво-искристые, как солнце, они искренне радовались мне и гордились мной, и это раз за разом подкупало лучше золота:

– Вы все постарались сегодня, парни! Без достойной награды не останется никто, но! С получением этой награды придется повременить – впереди у нас сложный, почти ювелирный маневр. Нам необходимо зайти в бухту «Два Серпа» острова Мельсири и филонить там ну никак не выйдет, очень нестабильный рельеф, на риф напороться – раз плюнуть. Я понятно выражаюсь?

Команда переглянулась, едва заметно хмурясь, но ответ пришел единодушный и четкий:

– Да, капитан!

– Есть, капитан, – раздалось и сзади, едва слышным, усталым голосом, почти потонувшим в гвалте остальных, но именно этот звук заставил меня резко развернуться на сто восемьдесят градусов.

Выглянувший из рубки штурман устало прислонился к дверному косяку, чуть улыбаясь мне уголками губ. Волосы, собранные в высокий хвост, оттягивали кожу на висках, делая и без того большие глаза просто бездонными. На фоне мощной фигуры рулевого, каменным истуканом замершего у штурвала, Ниар выглядел просто узником тюрьмы Ниадор – Каменная Роза, самой жуткой из тюрем Империи. Я в оче-

редной раз почувствовал, как дернулось что-то внутри и ноги сами понесли меня навстречу.

Виниар отпустил дверной косяк и, почтительно склонив на мгновение голову, шагнул обратно в рубку:

– Я отсмотрел маршрут, капитан. Эта бухта – настоящее проклятие, честное слово. Зачем ее вообще там расположили? Тут настоящим профи надо быть, чтобы проскочить в «золотой» канал, там рифы с двух сторон. Полный дурдом! Вот, смотри! – он легким движением тонких пальцев активировал пульт и на вогнутом, трехмерном мониторе заплясали нервные диаграммы и замелькали цифры выскакивающих одного за другим окошек консолей и программ. Ниар, каким-то чудом фиксирующий весь поток сыпавшейся на него информации, быстро набрал что-то в одной консоли, в другой, вставил в едва заметный на панели разъем именную чип-карту и на экране развернулось трехмерное изображение бухты, как над, так и под водой.

Я еще раз всмотрелся в проступающие под тонкой кожей рубашки позвонки, в тонкие, почти хрустальные черты лица, темные круги под запавшими глазами и усмехнулся – мальчишка совсем забывает про еду и сон, если находится в рубке. Давно это у него, еще с первого шторма, когда не уследил Ниар за стабилизаторами и мы едва не перевернулись, взяв крен на большой волне. Вот и повелось с тех пор – на сто раз он свою машинки и циферки проверит, а все равно не выйдет из-за приборов, пока не успокоится за бортом во-

да, хоть на сутки мы в шторм попадем, хоть на двое. А силы, что естественно, тянет из эльфийских своих корней, которые, какими бы сильными не были, кушают, в итоге, его самого, превращая едва ли не в мумию. Но сегодня он самого себя превзошел, кажется...

Штурман взгляделся в очередную диаграмму и приблизил один из участков. Сдвинул брови и оглянулся на меня:

– Вот, погляди... – он покачал головой и прыснул со смеху, – Не на меня гляди, Дэм! На карту!

Я усмехнулся в ответ и, с трудом оторвав парня от компьютера, притянул к себе:

– Тихо, успокойся уже, паранойик! Иди сюда... Да не дергайся ты, чудо, самому же легче будет, – да, силен он, верный друг и помощник капитана, в огонь и воду за мной полезет, но вот благодарность принимать не умеет совершенно, как и помощь. Вот и сейчас, напрягся в моих руках, как будто защищаясь, и ждет, когда я ослаблю хватку, чтобы тут же, привычно вырваться из объятий и отскочить подальше.

На секунду прикрыв глаза, я подавил очередную попытку штурманского саботажа и, сделав медленный выдох, осторожно позвал:

– Джаррхи, отзовись! – и едва не задохнулся, чувствуя, как разбегается по венам обжигающая лава Силы.

Она ответила почти сразу, зазвенел, раскатился внутри тихий голос:

– Я ссссдессь, Хоссссяин! Сссшшшто прикашшшешь? – и

новая волна, обжигая кожу, мчится от сердца к кончикам пальцев, и нестерпимо горячо становится под ребрами.

Я крепче прижал к себе успокоившегося Винаира и едва слышно прошептал заклинание, морщась от нестерпимого, опаляющего губы, жара. Глаза штурмана вспыхнули, он обхватил меня руками за пояс и вскинулся, ловя мой взгляд:

– Дэм, не надо! Я в порядке, не буди Ее, брат! Это опять плохо закончится! Капитан! Слышишь меня? Эй! – я смотрел на него сквозь огненные блики и чувствовал, как улыбаюсь. Секунда, другая, и, чувствуя, как наполняет мои вены первородная Сила, я поймал опустошенные каналы Ниара, рывками вливая в него энергию.

Друг рванулся было в сторону, но железная хватка, которую я и не думал ослаблять, не дала ему завершить маневр. А Сила уже рвалась внутрь измученного тела парня, наполняя его жизнью, очищая и, вскоре, перестав сопротивляться, Ниар сам поднял ладони навстречу, пропуская потоки Магии к сердцу и открываясь. От неожиданно доверчивого жеста перехватило дыхание, и я сдался на милость Огня, понимая, что не могу, да и не желаю бороться с его потоками. Да, брат Винаир, потом ты будешь долго злиться и держаться подальше, но сейчас именно такая помощь придется, кстати, и тебе и мне, заменив тысячи слов благодарности. Время есть, штурман, на карту взглянуть я еще успею!

Монолог Д.Фаанмико. Часть 2

Тихий стук, царапанье досок причала о подставленный судном борт. Муравьями носятся по палубе мои ребята, помогая Рокассиодрии спокойно встать на заслуженный отдых. Опасные рифовые валы бухты «Два Серпа» остались позади и бешеный пульс работы команды постепенно сходил на нет, возвращаясь в привычное русло. Коротко зашипела рация на ремне у Боцмана и что-то несколько раз повторила голосом Ниара. Я мягко огладил теплое дерево штурвала и обернулся на рубку – вредина-штурман не вылезал оттуда уже довольно давно, держа с нами связь через рацию и крошечные сенсоры, расположенные у меня и Боца на запястьях вместо часов. Я в очередной раз поднес светящийся прямоугольник к глазам – мы успели прийти раньше. Это хорошо, значит есть шанс добраться до города и переговорить с глазу на глаз с герцогским внуком – полагаю, ему есть, что рассказать мне по поводу знаний его деда. Пещера Халладор, место встреч местных властей с морскими королями, все еще не была завалена и надежда на то, что там сохранилась копия флага Братства у меня была немаленькой.

С тихим шелестом, тенью слетела с мачты Элоиз, мягко выпрямилась, откидывая назад огненные пряди. Я улыбнулся – старпом на палубе была большой редкостью, предпочитая все время проводить в «вороньем гнезде», подальше

от людей и поближе к родному и, увы, недоступному для ее драконьей души небу.

Я поманил ее к себе, и она молниеносно выполнила команду, замерев рядом неподвижной статуей:

– Штурмана на палубу, расставить вахтенных, команде отбой на пару часов, мне необходимо покинуть корабль на некоторое время. Если наш гость прибудет раньше – спустите трап и проводите в мою каюту, руна-ключ есть у Ниара. А его я сейчас выманю из укрытия, – и, проигнорировав озорную усмешку старпома, рявкнул в рацию, сдерживая рвущийся наружу хохот, – Терр штурман, на палубу бегом марш! Долго ждать буду?

В рубке что-то с грохотом упало и разбилось, раздалось сдавленное «Твою мать!» и дверь распахнулась. Ниар вылетел наружу, как ошпаренный. Волосы из всегда аккуратно собранного хвоста выбились и игривыми волнами обрамляли лицо, рубашка расстегнута, чернота зрачка заполонила радужку, придавая бедолаге совсем уж ошалелый вид. Он с шумом захлопнул дверь и промчался мимо нас на палубу, как смерч, едва не слетев с лестницы вниз головой. Мы с Элоиз переглянулись и расхохотались, торопливо спускаясь следом.

– Что произошло? Капитан кричал, как резаный! – налетел на Боцмана Ниар и тот растерянно остановился, недоуменно хмурясь и явно не понимая, чего от него хочет штурман. Винар, ошалело встряхнул головой и отстранился от

мужчины, выпуская его локоть. Обвел взглядом палубу, снующих туда-сюда матросов и, наконец, встретился со мной глазами. Элоиз, до этого из последних сил державшая лицо, негромко прыснула в кулак. Боцман ухмыльнулся и, фыркнув, одними губами проговорил: «Ясно, кэп развлекается». Еще пару секунд наблюдал за разворачивающейся сценой, после чего отошел от нас, тут же накинувшись на двоих ребят, старательно волокущих какой-то громоздкий сверток к носу корабля.

Ниар молча поднял бровь и подошел ко мне, остановившись на порядочном расстоянии. Всегда искристые и веселые, изумрудные радужки словно напитались болотной зеленью и застыли, став тусклыми и пустыми. Злится, чудик, сильно злится с того самого момента, как сбежал от меня после разделения Силы в его рубке. Никогда он себя простить сразу не может. Дурак...

– Я ухожу. Ненадолго, буквально часа на три – четыре. Распоряжения у старпома есть, за капитана – ты. Все понятно? – глаза штурмана сперва слегка округлились, затем он согласно моргнул, – Гостя, если что, встретить по всем правилам. Хорошо?

– Есть, капитан! – негромко отозвался он и, на секунду задержав на мне пристальный взгляд, стремительно зашагал прочь, о чем-то отрывисто спрашивая Элоиз, как тень, следующую за ним. Я кивнул своим мыслям и прикрыл глаза, вытягивая на поверхность крылатого брата. Пора...

Джаррхи позвала меня, когда день клонился к закату. Переговоры с молодым герцогом прошли крайне и крайне успешно, путешествие в заветную Пещеру – тоже, поэтому оставшееся время я потратил на исследование Паучьих лабиринтов и едва удрал от крупной стаи обитателей этих загадочных мест, возжелавших-таки разорвать меня на пару десятков капитанов поменьше.

И именно в момент, когда я, оставляя за спиной десятки визжащих, ярко полыхающих факелов, мчался к выходу из смертельной ловушки, в груди стало горячо, а уши пронзил знакомый шепот:

– Он сссдсссс, Хоссссяин! Воссссвращайссся!

В ущелье, ведущем в бухту, мимо меня промчалась, едва не переворачиваясь, невысокая повозка-кименай. От возницы настолько явно веяло страхом, что я немного испугался сам и почти побежал вперед, к кораблю, который, мягко пружиня на волнах, негромко рассказывал невидимому пока слушателю свои нехитрые, деревянные истории. Я вслушался – девочка была спокойна и дружелюбна, словно встретила старого друга. Вновь прибывший ей явно нравился.

Парнишка стоял почти на краю причала, не двигаясь и с явным удовольствием разглядывая Рокассиодрию. Ветер трепал спутанные темные кудри, спускавшиеся ниже плеч, развевал полы простого, но ладно скроенного камзола. Темные, мягкие штаны и высокие сапоги подчеркивали стройные ноги. Невзирая на невысокий рост и узкие плечи, паре-

нек был весьма неплохо сложен и я, черт возьми, не мог этого не оценить. Однако на фоне мощной громады корабля эта подтянутая фигурка казалась хрупкой, словно бы детской и внутри проснулись, и зашевелились давно забытые струны.

Когда – то все это уже было. И мягко ластящийся к причалу борт Рокассиодрии, и солнце, нагревающее темную древесину и тонкий силуэт, с интересом и трепетом вглядывающийся в очертания сказочного судна. Только вот волосы, густой волной покрывающие хрупкие плечи тогда были русыми, нежно отливающими лунным серебром. Как же давно это было, однако. Как давно.

Парнишка тем временем, опасливо оглянувшись и так и не заметив меня, сделал еще один шаг вперед, едва не свалившись в воду. Осторожно протянул руку к теплomu дереву, словно желая погладить. Джаррхи весело зашипела и корабль качнулся, отстраняясь от протянутой руки. Юноша опустил руку и рассмеялся, откровенно любуясь судном. Я хмыкнул – смех у паренька был чудесный: звонкий, переливчатый, словно журчание ручья или звон стекла – и не удержавшись, окликнул его:

– Нравится?

Мальчишка оторопел на мгновение и, шарахнувшись прочь, едва окончательно не улетел с причала в воду. Резко развернулся, вытаращившись на меня во все глаза и замер, как вкопанный. Ого, да он местный, кажется! По-южному чуть приподнятые к вискам теплые глаза, цвета растоплен-

ного шоколада, высокие скулы, чуть впалые щеки и тонкие губы. Морщинки в уголках век, словно паренек часто улыбается. Совсем еще молоденький, даже тридцати нет, это точно. Явно не человеческой расы или полукровка, судя по высокой постановке головы и слегка заостренным ушам. Но и не хищник, точно – своих я чую за версту.

Внимательно наблюдая за напуганным парнем, я приблизился, вглядываясь в ауру, окружавшую его плотным щитом, и не смог сдержать улыбку. На пути, который мне удалось пройти за все эти годы, было крайне мало настоящего и честного, настолько мало, что я действительно начал забывать, как оно выглядит и оттого сейчас мне почти невозможно было поверить в увиденное. Аура мальчишки буквально светила золотом, ярким вихрем, разбрызгивая вокруг сотни солнечных искр! Он был чист, как новорожденный младенец, он любил и доверял миру и искренне восхищался моим кораблем. А еще, почему-то, панически боялся меня самого... Станный ребенок!

Джаррхи внутри раскрыла огненную, щербатую пасть и расхохоталась, счастливо, обжигая вены пульсирующим пламенем:

– Хосссиян, ты нашшел, нашшел! Он сссмошшет открыть ввффххход в Пещщщщеры! Он сссмошшет пройти зссссеркального Ссссражжшша!

Я вздрогнул, вспоминая, о чем говорит мне Дух Рода. Год назад мы с ребятами, зайдя в дикую бухту острова Кьянт-

ви – территории, считающейся опасной из-за проживающих в ее недрах племен, и оттого необитаемой – вкупе с отличным местом для приведения в порядок корабля и восстановления магии Хранителя, обнаружили в глубине острова массивную, невероятных размеров, скалу, в основании которой кем-то, явно шарящим в магии Земли, была обустроена пещера. Вот только попасть в нее мы не могли, как бы не старались – мощный каменный люк, испещренный сверху-донижу рунической вязью, не позволял даже прикоснуться к себе, не то, что колдовать. А при попытке применения заклинаний, внешняя сторона люка, украшенная блестящей, похожей на зеркало, сферой, сперва отразила в себе наши ошалевшие морды, а потом выпустила на передний план сияющую девушку с прозрачными глазами и молочно-белой кожей.

Она – то и пояснила нам, что очень давно, некий древний, как кости первого дракона, колдун спрятал в Пещере свиток Желания – что-то вроде артефакта, исполняющего любое сокровенное желание того, кто им владеет. Ну и, разумеется, вскрыть Хранилище и получить свиток, равно как и прочие находящиеся там сокровища может лишь тот, кто душой чист, а помыслами светел. И много чего еще – и чистейшую магию Истины им подавай, и Кровь, и Огонь и Жизнь до кучи. А иначе она самолично даст в мор... эээ, покарает негодяев, посмевших ослушаться высокого повеления ископаемого колдуна. Вот такая грозная оказалась барышня.

О, это были годы и годы поисков – страны, города, ост-

рова. Даже планеты порой! Все было тщетно, и я почти уже смирился с тем, что ничего не исправить и стоит прекратить гнаться за несбыточным, как вдруг удача повернулась ко мне лицом.

Я вновь окинул взглядом мальчишку, с нестерпимой нежностью касающегося дружелюбно толкнувшегося ему в ладонь теплого борта, неуверенно отвечающего на мои слова и словно бы провалившегося в удивительное, эйфорическое состояние и опять ощутил мощный прилив тепла, изнутри согревающего ребра. Прости, малыш, что мы воспользуемся твоим доверием. Прости, что ты – разменная монета. Но это честно – я подарил и еще не раз подарю тебе твою мечту, солнечный мальчик. Теперь ты подари мне чудо! И я, крепко обхватив парня поперек груди, стрелой взмыл в небо, с трудом гася ослепительные искры восторга. Никуда ты не денешься, неожиданное сокровище! Никуда!

Часть 3. Полет сквозь реальность. (Макс)

Ехидный солнечный луч, протанцевав по деревянным стенам стаей серебристых пылинок, забрался мне в ноздрю, вынуждая схватиться за лицо. Я расчихался и, наконец продрал глаза, судорожно подскочил на своем неожиданном ложе. Мысли, всегда строго разложенные по полочкам, пребывали в тумане, и я не сразу понял, где нахожусь. Взгляд скользнул по темному дереву стен моей внезапной спальни, поймал в фокус небольшой резной комод и пару светильников прямо над головой, удивленно отметил картину на противоположной стене – девушка, невысокая и хрупкая, как ангел, замерла на носу корабля, вглядываясь вдаль и плотно прижав к груди обе руки в почти молитвенном жесте – и, наконец, остановился на просторной, двуспальной кровати с высокими бортами и плотно привинченной к стене спинкой, на котором я и очнулся.

С колоссальным трудом найдя замок, отпирающий борт необъятного ложа, я опустил ноги на теплый пол, погрузив стопы в мягкую шерсть лежащей там шкуры и напряг память. Вот капитан что-то рассказывает о мальчишке, чей портрет занимает стену в его каюте. Теплая, вязкая сладость удивительного напитка в стакане прямо касается губ. Золотые, как

солнце, глаза напротив. Шум волн прибоя, заставляющих судно мягко ластиться к доскам причала.

Периодически шипящая «рация» – странного вида прозрачный плоский камень, в оправе из серебра со множеством переплетающихся рун на поверхности, – и отрывистые команды Деметрия, отданные в эту непонятную машинку. И снова истории, сказки и чудеса, рассказанные и подаренные негромким голосом собеседника. И страх, сменившийся пониманием – я в безопасности, как это ни странно, пока слышу этот голос, пока плещутся рядом волны и что-то невероятно мощное заставляет корабль пульсировать в едином ритме. Здесь и сейчас мне ничего не страшно!

Я с нажимом провел ладонью по лицу, сгоняя остатки сна и осторожно поднялся на ноги, с непривычки потеряв равновесие, когда корабль качнуло особенно сильно. Что за дела, обычно в бухте так не штормит! Я прислушался – снаружи шумели волны, то и дело раздавался знакомый резкий, суровый баритон боцмана и время от времени слышны было странный лязг и скрежет.

Так ничего и не поняв, я нашарил глазами выход. Догадка, где это, собственно, я заночевал, превратилась в уверенность, и я в ужасе поднял руки к лицу, неведомо почему испугавшись, что могу быть закован. Не до конца проснувшийся мозг выдал наобум с десятков страшных картинок с распятыми мучениками, напугав еще сильнее и я шархнул к двери, в ужасе озираясь по сторонам. Естественно, ни кан-

далов, ни мучеников в спальне капитана – а это явно была она, – не наблюдалось. Я перевел дыхание и ехидно фыркнул – откуда в моей голове вообще взялся этот бред?

Убедившись, что все хорошо кое-как пригладив бардак на голове, я решительно потянул на себя дверь и тут же отпрянул, перепугавшись до смерти – по периметру дверного косяка вспыхнула знакомая уже рунная вязь и звонкий, незнакомый мне, мальчишеский голос насмешливо произнес:

– Доброе утро, Учитель! Твоя команда ждет тебя! – после чего дверь, еще раз полыхнув, распахнулась, выпуская меня из уютного плена. Я негромко выругался – фокусы пирата начинали напрягать, – и шагнул в проем.

Каюта была пуста, и ничего в ней не напоминало о вчерашнем сказочном вечере – полумрак, легкий запах полыни и дерева и серебристое мерцание фатамани на столе. Все так, как и было до моего появления на борту. Капитана тоже видно не было, из чего я сделал вывод, что и мне задерживаться на борту больше нет смысла и, подхватив рюкзак, стоящий у кресла, заторопился на выход.

Дверь, оплетенная ныне потухшими рунами, мягко подалась под моей рукой и покорно распахнула одну из двух массивных створок. Пол под ногами вновь опасно закачался, и я едва не растянулся на пороге, и, в последний момент ухватившись за дверной проем, выглянул наружу. Тело, подзабывшее, что такое море, медленно вспоминало былую науку и я, прижавшись к дверному косяку всем телом, на миг при-

крыл глаза, лоя равновесие и успокаиваясь. И чего вдруг так штормит? Странно...

– Эй, курьер? Ты живой? – голос, раздавшийся совсем рядом, был незнаком, и я распахнул глаза, встречаясь взглядом с черными, как маслины, зрачками парня напротив. Темно-каштановые кудри до лопаток, собранные в низкий хвост, темный, плотного материала, жилет на голое тело, широкие штаны, кинжал на поясе, длинные, острые когти на руках, явно звериная манера оборачиваться половиной корпуса – раса была мне знакома. Катарг – существо, не имеющее звериной сути, но носящее в себе смесь крови человека и животного. Насколько я смог вспомнить – эти ребята не умели обращаться в зверей, зато обладали силой, скоростью и ловкостью животного, ставшего их тотемом при рождении.

Парень вновь окликнул меня и, потрянув головой, я, наконец, ответил:

– Да, спасибо. Немного закружилась голова с непривычки, но все уже хорошо, – парнишка, улыбаясь, кивнул. Я вернул ему улыбку и попросил, – Не подскажешь, куда подевался капитан и не занят ли он? Мне пора на берег, хотел попрощаться...

Я осекся, услышав негромкое бульканье – собеседник натуральным образом трясся от смеха, зажимая ладонью рот. Заметив мой недоуменный взгляд, матрос простонал, не в силах сдержать рвущийся наружу хохот:

– Ой, капитааан... Во дает, чертяка! – он отдышался, на

секунду закрыв лицо руками, а после, выглянув из ладоней, закончил, – Не, друг, к терру капитану я тебя, конечно, провожу, но ты сперва вокруг оглядись!

Я недоуменно приподнял бровь, всматриваясь в веселый блеск антрацитовых зрачков катарга – не дурит ли он меня – а затем осторожно ступая по едва слышно поскрипывающим доскам палубы и уворачиваясь от мягко ходящих в такт качке снастей, приблизился к борту. Картина, открывшаяся глазами, повергла в настоящий шок. Исчез скалистый берег острова, исчезли деревянные конструкции пристани и выступающие из воды горбы «Двух Серпов». С силой хлестали волны о борт бегущего вперед судна, точно скальпелем резавшего воду, гудел ветер в поднятых, обнимающих облака, парусах. Бодро мчались совсем рядом с кораблем манальгри – яркие, серебристые, ослепительно красивые дельфины с двумя хвостами и изящной россыпью разноцветной чешуи над глазами. Ничего, кроме них и яростно ревущей воды, рассмотреть не удавалось, как бы я не напрягал глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.